

Наталия Осояну

•
НАГРАДА ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
ЗА ПЕРЕВОДЫ
•

ПЕРЕВОДЧИК
БРЕНДОНА
САНДЕРСОНА,
РОБИН ХОББ,
КЭТРИН ВАЛЕНТЕ
и ЙЕНА
МАКДОНАЛЬДА

НЕВЕСТА ВЕТРА

Дети Великого шторма

Наталья Осояну

Невеста ветра

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Осояну Н. Г.

Невеста ветра / Н. Г. Осояну — «Издательство АСТ»,
2019 — (Дети Великого шторма)

ISBN 978-5-17-112655-1

«Невеста ветра» — первая часть трилогии «Дети Великого Шторма», рассказывающей о мире бескрайних океанских просторов и бесчисленных островов, населенном, помимо людей, удивительными существами, в числе которых самые необыкновенные — живые корабли, способные вступать в ментальную связь со своими навигаторами. Однажды в этот мир явились пришельцы-магусы — пятнадцать наделенных особыми талантами семейств с именами птиц — и, вопреки собственным желаниям, остались навсегда. С той поры прошло три с лишним тысячи лет, но страсть магусов к интригам не утихла, а любовь к древним тайнам возросла. И вот теперь последнему отпрыску уничтоженного семейства предстоит отыскать путь к самой главной из этих тайн: «Утренней звезде», потерпевшему крушение кораблю магусов. Но ни он сам, ни его товарищи даже не догадываются, насколько длинной и опасной окажется их одиссея на борту живого фрегата с изумрудно-зелеными парусами.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-112655-1

© Осояну Н. Г., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Шум моря	5
1. Сундук целителя	12
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Наталия Осояну

Невеста ветра

И сказал Буревестник небесным детям так:

– Обучая детей земли тому, что знаете сами, помните о моих словах!

Не отдавайте им огонь, ибо обратится он против вас.

Не позволяйте им оседлать ветер, ибо умчатся они так далеко, что вы не сумеете угнаться следом.

Не учите их видеть сокрытое, ибо тогда настанет время Великого Шторма!

А если нарушите все три запрета, то упадет с небес «Утренняя Звезда» – и дорога домой навсегда закроется для вас.

Книга Основателей

Не отказывай страждущему, не жалея сил, не читай чужих мыслей.

Клятва Эльги

Шум моря

Холодное осеннее небо лишь слегка заалело на востоке, когда Фаби вышла из своей комнаты и быстрым шагом направилась к опочивальне принцессы Ризель. Слуги, попадавшие ей навстречу, почтительно кланялись. Совсем недавно челядь вовсе не старалась угодить девушке, занимавшей при дворе капитана-императора Аматейна положение гостьи поневоле, но теперь все изменилось. Она превратилась из заложницы в спутницу принцессы, ее начали уважать и даже, как ни странно, бояться.

В темных углах что-то негромко шуршало и потрескивало. За год Фаби так и не сумела привыкнуть к странным звукам, которыми Облачная цитадель наполнялась по ночам, а одна мысль о том, что во мраке по запутанным лабиринтам коридоров бегают многоногие металлические твари, приводила ее в ужас. К утру мехи всегда расползались по норам: стоило солнцу подняться над горизонтом, их уже не было ни видно, ни слышно. Обитатели дворца любили долго спать, и многие из них годами не встречались с созданиями, чьи поцарапанные панцири помнили времена, когда на месте Облачной цитадели мерры пасли морских коров. Мехи никого не обижали: в худшем случае древний механизм, пробегая по потолку спальни, мог свалиться на голову спящему. Конечно, приятного в этом было мало, но от них имелась и польза: мыши, крысы и прочие вредители в дворцовых кладовых не водились именно по той причине, что все подходящие для обитания щели и дыры облюбовали мехи.

Фаби знала, что ночные шорохи безопасны, но ничего не могла поделать с собой: первое время, заметив краем глаза шевеление и поблескивание где-нибудь в углу, она отпрыгивала в сторону, словно перепуганная птичка. Птичка-невеличка, растрепанный невзрачный воробушек. Ничего удивительного – она и внешне, и по характеру была настоящим воплощением своего кланового знака.

В клетке с орлами и ястребами воробьи долго не живут. Предшественник Фаби – троюродный брат, которого она совсем не знала, поскольку виделись они лишь однажды, еще детьми, – провел здесь чуть больше года и погиб на охоте при весьма странных обстоятельствах. Аматейну понадобился новый заложник, и на этот раз им должен был стать кто-то очень

близкий и важный для главы семейства. Фаби помнила, с какими лицами родители провожали ее в Облачный город, столицу Империи...

Однако все пошло совсем не так, как они предполагали. В один прекрасный день принцесса Ризель вдруг объявила, что юная провинциалка, не имеющая ни малейшего представления о сложных дворцовых интригах, отныне будет ее спутницей. Сплетники неделю только об этом и говорили, но никто не осмелился открыто возмущаться – с решениями Ризель не полагалось спорить, как если бы все они до единого были высказаны посредством *сильного слова*, ее родового дара.

Должность спутницы подразумевала больше обязанностей, чем привилегий. Фаби стала для Ризель собеседницей, секретарем, служанкой и шпионкой. Оказалось, воробей подходит на эту роль куда лучше, чем ястреб, орел или ворон. Она была незаметной и – хотя об этом никогда не говорилось вслух – незаменимой: она все понимала без слов и умела молчать. Собственно говоря, она почти все время молчала. Поначалу ей пришлось нелегко. Потом она почувствовала, что Ризель из «госпожи» и «ее высочества» превращается в кого-то вроде мудрой старшей сестры, и заточение в Облачной цитадели стало чуть менее тяжким грузом.

Принцесса была хороша собой. У нее имелась целая армия тайных воздыхателей, которые посвящали ей стихи и устраивали дуэли, сходя с ума от любви. Ни один из них, конечно, никогда не осмелился бы признаться ей в своих чувствах. Ризель была недосягаема, словно сама Светлая Эльга. Она одевалась только в белое и редко посещала балы; она делала то, что полагалось бы делать принцу, – так уж вышло, что у капитана-императора не осталось сыновей.

Ризель походила на фарфоровую статуэтку, но ее хрупкость была обманчива – в отличие от фарфора, разбить ее смог бы только удар кузнечного молота.

Войдя, Фаби увидела, что Ризель не спит. Принцесса сидела за письменным столом, уронив голову на руки. Густые длинные волосы закрывали ее лицо, словно плотная белая вуаль, – из-за них дочь капитана-императора почтительно называли Белой Цаплей, хотя по углам шептались, что дерзости наследнице престола не занимать, раз она не желает скрывать столь явный признак вырождения. Перед ее высочеством лежала книга с пожелтевшими от времени листами. Фаби уже видела этот древний том и знала, что он собой представляет. Отец рассказывал ей, что когда-то в каждом семействе хранился такой же, но постепенно все они были утрачены. Лишь немногим удалось сберечь отдельные страницы, однако содержание этих страниц оставалось тайной. Язык, на котором три тысячи лет назад была написана Книга Основателей, уже тогда считался мертвым, и теперь мало кто мог похвастать знанием более впечатляющим, чем несколько странно звучащих слов. Выходило, что от Прародины у небесных детей осталась только их сильно разбавленная кровь.

– Я закончила перевод, – устало проговорила Ризель. – Посмотришь?

Девушка подошла ближе, не дожидаясь повторного приглашения. Ей уже случалось знакомиться с переводами Ризель. Та была искренне удивлена, узнав, что дочь лорда Воробья не так уж плохо образованна, быстро читает и вырисовывает пером витиеватые буквы в лучших традициях старинного искусства каллиграфии, и не преминула добавить к многочисленным обязанностям спутницы еще одну. Фаби не возражала даже в мыслях, понимая, что ей оказывают большую честь. К тому же читать переводы, сделанные принцессой, было очень интересно.

Исчерканные листы стоили дороже, чем полностью снаряженный боевой фрегат. Поскольку знатоков древнего наречия в Империи почти не осталось, какой-нибудь ученый из Ниэмарского университета или знаменитой Лазурной академии, не говоря уже о Невидимом содружестве, с радостью продал бы Великому Шторму правую руку или правый глаз за возможность взглянуть на перевод Книги Основателей, выполненный самой Белой Цаплей.

– Мы с каждым днем все дальше от Прародины, – неожиданно проговорила Ризель, глядя в пустоту. – Почтенные ученые мужи забыли наш язык, а обитатели Облачной цитадели предпочитают танцевать на балах и плести интриги. Я не могу их винить... Ведь «Утренняя звезда» потеряна, и даже если вдруг кто-то ее найдет, мы не будем знать, что делать дальше. Мы изменились, утратили способности и знания, сделались куда больше похожи на земных детей, чем принято считать. К добру это или к худу? – Она усмехнулась горько и зло. – Как знать... Почитай мне вслух, пожалуйста.

«Шел год седьмой от Великого пришествия, и тогда собрались все небесные дети. Первым говорил Капитан Ворон, и сказал он так:

– Братья и сестры мои! Вижу я, что люди этого мира уже не ходят на четырех конечностях, словно животные, и не пожирают плоть подобных себе. И это хорошо!

Вторым вышел говорить Жаворонок, и сказал он так:

– Братья и сестры мои! Теперь люди этого мира знают, как растить пшеницу и рис, бобы и просо. Большие не едят они траву, что стелется под ногами, и водоросли, что прибивает к берегу...»

Фаби словно раздвоилась. Одна ее половина послушно читала, продираясь сквозь записи – почерк Ризель временами становился удивительно небрежным, – а другая лихорадочно размышляла: что происходит? Неужели ее высочество решила испытать свою спутницу? Ведь любой ребенок – не магус! – знает, что небесным фрегатом, «Утренней звездой», командовал первый капитан-император из клана Цапли.

Ризель нетерпеливо приказала:

– Дальше читай! Там, где про огонь.

Фаби пробежала глазами остаток записей и взяла следующий лист.

«Так говорил каждый из пятнадцати магусов, небесных детей, о благах, что принесли они детям земным, а когда все закончили, снова встал Капитан Ворон и спросил:

– Все ли помнят о том, что говорил Буревестник в день, когда впервые мы ступили на эту землю? Все ли соблюдали его наставления?

– Да! – ответили магусы, но нахмурился Капитан Ворон, потому что знал: один из соплеменников не сдержал слова и дал людям огонь. Никто не признавался в содеянном, и тогда сказал Капитан:

– Хорошо же! Значит, люди открыли огонь сами, и только они одни виноваты в случившемся. Так услышьте, что еще было предсказано: если земные люди узнают тайну огня, нам следует дать им огня великое множество».

Фаби застыла. Час от часу не легче – сперва «Капитан Ворон», а теперь это. Что еще за «огня великое множество»? Она совсем другую сказку слышала в раннем детстве.

– Читай-читай, – подбодрила Ризель свою спутницу.

«Небесные дети сидели спокойно и слушали Капитана Ворона. И тогда он спросил:

– Скажите мне теперь, не нарушал ли кто второй запрет?

– Нет! – сказали небесные дети, и помрачнел Капитан Ворон словно туча: видел он, как летают по небу те, кто совсем недавно ползал по земле, точно черви.

– Хорошо же! – сказал он. – Значит, люди научились летать сами, и поэтому увидят они самые большие крылья из всех, что есть у нас».

– Ты веришь, что магусы когда-то умели летать?

– Я... – Фаби растерялась. Принцесса пытливо вглядывалась в лицо спутницы, ожидая ответа. – Я знаю, что «Утренняя звезда» пролетела сквозь Вечную ночь – ведь как иначе наши предки оказались в этом мире? Но... нет, я думаю, это какая-то метафора. Из разумных существ летать умеют только крыланы, да и те, похоже, исчезли навсегда.

– Метафора... – пробормотала Ризель, качая головой. – Читай дальше. Сейчас будет еще одна... метафора.

«Когда понял Капитан, что третий запрет тоже оказался нарушен, потому что видели и знали дети земные то, чего не должны были видеть и знать, сказал он так:

– Если тот, кто сделал это, не признается сейчас, то одарим мы землю эту последними дарами, а потом улетим домой.

Встал тогда хранитель огня, Пламеннокрылый Феникс, промолвил:

– Я дал людям огонь.

Сказал он:

– Я подарил им крылья.

Были его последние слова такими:

– Я научил людей видеть сокровенное.

Тогда Капитан попросил у магусов, детей небесных, семь дней на размышления, но раздумывал он в семь раз дольше, потому что слишком тяжелое решение должен был принять. Вернувшись к народу своему, сказал он Фениксу так:

– Пусть возьмет огонь тот, кто придет сменить тебя. Сам же ты получишь пламя, и крылья, и море – и покинешь нас навеки.

Промолвила тогда Эльга-Заступница:

– Прости его, Мудрейший! Что сделано, того не воротить. Видишь, „Утренняя Звезда“ сияет на небе, как раньше, – значит, предсказание Буревестника не сбылось. Пусть останется с нами тот, в чьем сердце вечно живет огонь далеких звезд, – ведь без него мы не сумеем пролететь сквозь Вечную ночь!

Но непреклонен был Капитан Ворон. И произнес он слова холоднее льда и тяжелее камня:

– Как можем мы ожидать, что земные дети будут уважать нас и бояться, если слово магуса стало легче птичьего пера? Три запрета были нарушены, и три наказания понесет отступник.

Стоило ему сказать это, как раздался гром и от множества молний закипел бескрайний океан. Когда утихла страшная буря, увидели магусы, что нет больше „Утренней Звезды“.

Так сбылось предсказание Буревестника, после чего ушел Ворон Дорогой печали. Так осиротели небесные дети, лишившись родного дома, который остался по другую сторону Вечной ночи».

Фаби положила исписанный листок обратно на стол и обняла себя за плечи, пытаясь унять сильную дрожь. Или, быть может, это Облачная цитадель вокруг нее зашаталась и задрожала, словно дерево на ветру?

Воробей не может повлиять на ход событий. Воробей вообще ничего не может. Если клан Ворона отыщет магуса, способного перевести то, что перевела Ризель, маленьким птичкам останется лишь наблюдать и надеяться, что грандиозный шторм пройдет стороной. Их целью всегда было выживание, и до сих пор семейству сопутствовал успех – во многом благодаря тому, что воробьи умели довольствоваться малым. Те самые гордые фениксы, клан Фейра, – где они? Уничтожены, разбиты, навеки опозорены. Буревестники? Последний из рода Амальфи пал жертвой предательства, которое не сумел предугадать, хотя и обладал даром ясновидения. Даже миролюбивые хронисты и библиотекари Соффио, клан Совы, не выстояли в битве с Великим Штормом...

Возможно, всем семействам суждена подобная судьба. А тех, кто выживет, прикончит враг незаметный и безжалостный, затаившийся в их собственной крови, – ведь не зря с давних времен говорили, что нет ничего важнее, чем кровь.

Фаби выпрямилась и встретила взгляд Ризель: принцесса улыбалась краешком рта, да только в улыбке не было ничего веселого. На плечах этой хрупкой женщины лежал чудовищный груз. Белая Цапля служила единственным глашатаем воли капитана-императора, который так давно не покидал покоев в западном крыле Облачной цитадели, что об этом знали даже жители отдаленных краев Империи. Странная болезнь, поразившая верховного правителя Десяти тысяч островов, не была заразной – по крайней мере, за долгие годы никто не подхватил от него тяжелый недуг. Но если раньше он хоть изредка принимал посетителей, то теперь его навещали только двое доверенных слуг и принцесса. Ризель заходила к отцу каждое утро и выслушивала наставления, которые затем передавала советникам. Однажды – уже после того, как Фаби привезли во дворец, – кто-то из клана Орла захотел встретиться с императором лично. Ризель не стала возражать, и магуса провели к больному. Строптивец пробыл там недолго – выскочил за дверь весь бледный и трясущийся, бормоча что-то о проклятии, которое наслал сам Великий Шторм. Потом Фаби слышала, что он почти сутки провел в ванной и заставил слуг сменить воду не меньше двадцати раз.

Больше о личной аудиенции никто не просил.

«Капитан-император скоро умрет...»

Даже произнеся эту фразу мысленно, Фаби от ужаса зажмурилась. Император Аматейн, которому не исполнилось еще ста лет, был молод по меркам небесных людей. Родители рассказывали Фаби о коронации Аматейна – столь пышной, что всем казалось, будто она всенепременно ознаменует начало нового золотого века. Получилось совсем наоборот: война с Окраиной разгорелась с новой силой, да к тому же Империю ослабляли постоянные столкновения между семействами. Только три клана из пятнадцати: жаворонки, воробьи и совы – сумели остаться в стороне от интриг и борьбы за земли. Остальных же словно поразило внезапное безумие, и они с ожесточением принялись уничтожать друг друга. Сорок лет назад Аматейн положил конец распрям, подписав с самыми могущественными семействами, согласившимися на его условия, Договор Семерых, к которому потом примкнули три самых слабых клана, включая и клан Торимо, семью Фаби. Но фениксы, буревестники и совы, согласно туманным слухам, были истреблены за свою гордость, а земли хитроумных пересмешников и упрямых голубей Семеро разделили между собой, не стесняясь собственного вероломства. Где-то на просторах Империи остатки побежденных кланов лелеяли планы мести, но против объединившихся врагов они были бессильны.

Впрочем, что заставило победителей сплотиться? И так ли крепок их союз? С чего все началось?..

Много лет спустя уже никто не мог с уверенностью сказать, что на самом деле произошло с непокорными Фейра, Амальфи и Софффио и были ли они хоть отчасти виновны в измене, за которую их наказали. Фаби доподлинно знала лишь одно: через некоторое время после гибели семейства Фейра болезнь капитана-императора впервые дала о себе знать. Поначалу его недуг вовсе не казался ужасным. Уже потом, когда стало понятно, что хворь не намерена отпускать Аматейна из цепких когтей, во дворец стали приглашать лучших целителей – сначала тайно, а потом и в открытую. В Облачной цитадели побывал даже мудрый лорд Рейнен, старейшина вороньего семейства и самый старый магус из всех живущих, но и он не сумел помочь повелителю небесных детей.

Капитан-император стоически перенес то, что болезнь изуродовала его красивое лицо, заставив на людях носить маску, но судьба подготовила для него удар страшнее: Тибурон, старший сын Аматейна, пропал где-то на севере, и вот уже без малого десять лет о нем не было никаких известий.

А два года назад Аматейн потерял сразу жену и младшего сына, Амари: мальчика растерзали сторожевые пардусы, сбежавшие из клетки, после чего ее величество тоже стала затворницей: она теперь почти все время проводила в Садах иллюзий, в обществе нескольких спутниц. Фаби слышала, что звери оставили от тела бедного ребенка всего-то несколько костей. Ради похорон сына Аматейн вышел из своих покоев, превратившихся в подобие тюрьмы, но потом, когда траурный срок закончился, вновь исчез. По дворцу поползли слухи.

Болезнь зашла слишком далеко.

Было весьма сомнительно, что капитан-император сумеет снова зачать наследника, а ведь три тысячелетия трон передавался только по мужской линии. Единственная дочь Аматейна обладала изумительной красотой и разнообразными талантами: она разбиралась в политике и могла поддержать разговор о тонкостях морского дела с такой же легкостью, как если бы речь шла о тканях или драгоценных камнях, с ней считали за честь побеседовать о вопросах философии виднейшие ученые из разных городов... Но все-таки она была женщиной. А сильнее кланы никогда не склонили бы головы перед императрицей, подле которой нет императора.

Пустующее место рядом с дочерью Аматейна вызывало противоречивые чувства: с одной стороны, многих оно привлекало, а с другой – белые волосы Ризель означали, что в клане Цапли началось вырождение. Кровь владык Облачного города отравлена. Все знали, как это происходит. Сначала меняется цвет волос, потом появляются другие странности, а чуть позже настанет время *бескрылых*, лишенных дара, и тех, о чьем существовании не принято говорить вслух.

Но немало людей ради трона готовы были смириться и с этим.

За поведением Ризель следили очень внимательно, пытаясь истолковать каждый ее шаг как проявление симпатии к кому-то из молодых магусов. Пока что ее высочество была со всеми одинаково вежлива и холодна. Но какой бы выбор ни сделала принцесса, кому-то он обязательно не понравился бы, и даже Фаби понимала, что новой войны между кланами не избежать. А если станет известно, что владычество Цапли десятки веков держалось не только на *сильных словах* и цепкой хватке невидимых рук, но и на зыбком фундаменте из слегка подправленных легенд, никто не будет дожидаться смерти Аматейна.

Взгляд Ризель сделался тяжелым, и Фаби поняла, что время, отведенное ей на размышления, закончилось.

– Говори.

Девушка с трудом взяла себя в руки:

– Эта история записана в Книге Основателей, и каждая мелочь в ней важна, а то, что я вижу, – совсем не мелочь... Ваше высочество, я даже не знаю, как сказать, но... э-э... вероятно, Империю ждут перемены. Неужели... простой воробей может чем-то... помочь Белой Цапле?

Ризель не успела ответить – в открытое окно ворвался ветер и разметал рукопись по комнате. Фаби следовало бы броситься ее собирать, но почему-то она не смогла даже пошевелиться. Ризель сидела неподвижно, пока ветер не стих. А потом разлетевшиеся листочки сами собой принялись сползаться к ногам принцессы, аккуратно укладываясь в стопку.

– Империя сейчас подобна одуванчику, – сказала ее высочество. Рукопись взлетела с пола и легла ей на колени. – Стоит кому-нибудь дунуть посильнее, и от бывшего величия останутся одни воспоминания.

Принцесса встала, прижимая листы с переводом к груди и пристально глядя в глаза спутнице. Она была выше Фаби всего на полголовы, но девушке показалось, что Ризель смотрит на нее откуда-то с заоблачных высот.

– Мне очень страшно, воробышек. Скоро моя жизнь бесповоротно изменится... Придется совершать поступки, которые вызывают у меня отвращение и ужас. Мне нужен кто-то... Мне нужен человек, который будет помнить меня прежней... – Внезапно ее голос сел, и прин-

цесса не сразу сумела продолжить: – Я хочу, чтобы ты всегда оставалась со мной. Ты не откажешь мне в этой просьбе?

Ответ был очевиден.

– Я рядом, ваше высочество, – сказала Фаби. – И буду рядом. Всегда.

– Вот и славно. – Улыбка осветила бледное лицо Белой Цапли. – А теперь прикажи, чтобы приготовили ванну.

Над морем занималось утро нового дня.

Ветер вот-вот должен был перемениться.

1. Сундук целителя

[«Смотрите, смотрите, что у меня есть!»

Город изнывает от полуденного зноя, и даже крики чаек кажутся не такими пронзительными, как обычно. Чьи-то смуглые ладони в ссадинах и царапинах сложены ковшиком. В ковшике плещется рыбешка – серебристая, с черными полосками по бокам и агатовыми глазами-бусинами. Капли морской воды оставляют темные пятна на полу кухни.

Скоро обед. Вкусно пахнет жареным.

«Светлая Эльга нас благословила, это награда за все наши испытания! Вы только поглядите, до чего красивая шкура! Она приплыла, она выбрала меня... Вот увидите, теперь все будет хорошо!

Я это точно знаю!»]

Легкий бриз проскользнул в окно, не тронув Эльгин колокольчик, висевший на установленном месте, и шаловливо взъерошил волосы Эсме. Она открыла глаза. Словно сама Заступница погладила ее по голове. От этого ночь, переполненная обрывками воспоминаний и бессвязными тревожными сновидениями, сразу же утратила важность.

Начинался новый день, а ночь... да ну ее к кракену.

Недолго поглядев на потолок, где давно уже были изучены и сосчитаны все трещины, Эсме осторожно приподнялась на локте. В глазах сразу же потемнело, табуретка и сундук пустились в пляс, а стоило зажмуриться, как под веками защипало, словно кто-то щедрой рукой сыпанул туда песка. Ничего удивительного: ей уже больше недели не удавалось как следует выспаться. Она проваливалась в черную бездну, а потом внезапно просыпалась, задыхаясь и дрожа от ужаса, еще более уставшая, чем прежде. Временами казалось, что она слышит знакомый голос – голос человека, который пять дней назад замолчал навсегда. Временами во тьме звучали и другие голоса, но всякий раз услышанное выветривалось из ее головы быстрее, чем она успевала не просто что-то запомнить, а хотя бы осознать.

[Ты заболела. Бессонница – недуг, который время от времени настигает всех целителей. А твой случай совсем тяжелый. Память, бедная изувеченная память не дает тебе уснуть.]

– Ты что-то сказал? – проговорила она вслух, глядя в пустоту, и горько улыбнулась. – Прости, я не расслышала.

[Кто бы сомневался.]

В происходящем не было ничего удивительного. Однажды она сделала с собой то, чего не следовало делать ни в коем случае: отсекала часть воспоминаний и спрятала в [сундук], чтобы избавиться от боли. [Сундук], незримый и невесомый, каждый целитель носил с собой с момента, когда пробуждался дар, и до самой смерти; в него полагалось складывать чужие мыслеобразы, застрявшие в памяти. Только так целитель мог оставаться самим собой, а кое-кого [сундук] и вовсе спасал от безумия. Но, отказавшись от собственных мыслеобразов, Эсме словно утратила часть тела и вот уже много лет страдала от фантомных болей, которые ничем не отличались от тех, что мучают калек.

И все равно она ни о чем не жалела.

– Долг целителя – с рассветом открывать двери свои...

Слова утренней молитвы, истертые до дыр и давным-давно потерявшие свежесть, немного привели ее в чувство и позволили для начала сесть и опустить на пол босые ноги. Под пятками скрипнуло – вчера она забыла вымести из комнаты вездесущий тейравенский песок.

[Лучше бы уборкой занялась, чем всю ночь вертеться.]

Она поморщилась.

– Целители встают до восхода, а спать ложатся глубокой ночью, ибо в их помощи нуждаются те, чей труд начинается с первыми солнечными лучами и продолжается после наступления темноты...

Она встала, борясь с подступающей тошнотой.

– Великий дар, благословение Эльги, надлежит использовать на суше и на море, во благо детей неба и детей земли. Так говорит Заступница, я следую ее заветам. Да минуют шторма капитана-императора, да пребудет он... хм... пусть у него все будет хорошо.

Завершению целительской молитвы явно не хватало почтительности. Императора, который, по слухам, заживо гнил в своем дворце далеко на северо-востоке, лечить следовало не молитвами. Если его вообще можно было вылечить.

Туман перед глазами постепенно рассеивался, но в ушах как будто шумел прибой. Нет, так не пойдет. Если она не хочет весь день бродить по узкой грани между бодрствованием и обмороком, надо принять меры. Эсме снова села и, заранее скривившись, вытащила из-под кровати оставленный там с вечера флакон с жидкостью болотно-зеленого цвета. Вкус у настойки вигилирии – Велин, опекун и учитель Эсме, называл ее пробудиловкой – был очень противным, и, чтобы осушить флакон до самого дна, пришлось собрать остатки сил.

– Гадость какая... – пробормотала Эсме, когда отвратительная жидкость ухнула в желудок.

Зелье предназначалось для того, чтобы взбодрить уставшего целителя, но злоупотреблять им не рекомендовалось. Однако кто теперь мог ее остановить? Через несколько ударов сердца в голове прояснилось, глаза перестали болеть. Целительница медленно оделась – она носила белую рубаху с подвернутыми до локтя рукавами и широкую серую юбку до щиколоток, – потом умылась, расчесала волосы и повязала голову изумрудно-зеленым шарфом. За окном просыпался город. Над городскими крышами и верхушками мачт вились стаи чаек-крикунов – они, как всегда, снялись с насиженных мест еще до рассвета и отправились на поиски еды.

– Вам бы все жрать да жрать... – пробормотала Эсме.

Одна чайка, словно услышав ее слова, спикировала прямоиком на подоконник; в комнате тотчас же завоняло тухлятиной, причем это был вовсе не мыслеобраз запаха, а самый настоящий, ощутимый носом смрад. Эсме в тысячный раз спросила себя, отчего именно это гадкое создание стало символом Гильдии целителей. Ответ, прекрасно ей известный, был прост и сложен одновременно: из всех птиц только крикуны могли читать мысли и передавать мыслеобразы, да к тому же чайка служила клановым знаком семейству, под чьим покровительством целители пребывали вот уже три тысячи лет.

Крикун щелкнул длинным клювом.

– Вон отсюда! – Эсме не испугалась, хотя прекрасно знала, что птица в мгновение ока может вырвать из нее кусок плоти размером с кулак. От нападения крикуна удерживала только трусость. – Улетай!

Чайка наклонила голову, захлопала крыльями. Красные глаза злобно блеснули. Не зря, ох не зря моряки говорили, что встречаться взглядом с крикуном – не к добру... Эсме ощутила волну лютой ненависти, исходившую от птицы: вечно голодная тварь думала о еде, но мыслеобразы выдавали желание поживиться вовсе не рыбой, а мясом. Человеческим мясом.

– Пошла прочь, зараза!

Девушка схватила пустой флакон и швырнула в птицу. Та увернулась с легкостью и атаковала в ответ на свой лад: если раньше Эсме ощущала лишь отголосок кровожадных мыслей крикуна, то теперь... ее накрыло. Зрелище распотрошенных внутренностей само по себе не могло испугать целительницу – ей приходилось видеть куда более страшные вещи, – но чайка добавила к отвратительной картине удовольствие и предвкушение роскошного пира. Девушку чуть не стошнило от отвращения. Она бросилась к птице – и схватила воздух. Выдав напоследок

док издевательский вопль, чайка присоединилась к своим товаркам – кружить над Тейравенской пристанью до позднего вечера, досаждаť морякам криками и воровать рыбу у разинь.

[Положи это в сундук. Или ты хочешь помнить, как вкусна была падаль, как ты выклевывала глаза у трупа? Нельзя хранить в своей голове такое, немедленно выбрось эту гадость. Положи в сундук, быстрее.]

Поморщившись от внезапной боли в затылке, Эсме осторожно выглянула наружу и убедилась, что ее снаряд никого не задел, а просто упал на мостовую и разбился. Она закрыла глаза и увидела не темноту, а сине-зеленую толщу воды и рыбку – юркого малька, серебристого, с черными полосками по бокам. Мыслеобраз вызвал непонятную тревогу. Чье это воспоминание? Неужели ее собственное?

[Положи и это в сундук. Ну же, давай!]

– Пора открыть двери, – сказала целительница вслух и нахмурилась. – Правила есть правила.

Маленький дом, в котором совсем недавно жили двое, промолчал в ответ.

Их с Велином жилище располагалось гораздо ближе к порту, чем лавки остальных тейравенских целителей и лекарей. В другом городе и при других обстоятельствах это весьма помогло бы в борьбе за клиентов – ведь у больного или раненого моряка нет времени и сил, чтобы долго бродить по незнакомым улицам в поисках того, кто окажет ему помощь. Но Велин был в Тейравене чужаком и чужаком остался до самого конца. Слишком молчаливый даже для целителя, слишком ироничный, слишком умный по меркам маленького провинциального городка. Десяти лет не хватило, чтобы к нему привыкли, и сам Тейравен будто сопротивлялся его присутствию.

Эсме спустилась на первый этаж, открыла двери настежь и взялась за метлу. Велину не нравилось, что она все время нарушает порядок: уборку полагалось делать вечером, а утренние часы – посвящать чтению и медитации. Однако он ей не мешал. Они понимали друг друга без слов и, живя в одном доме, пребывали каждый в собственном мире, не пересекая чужих границ. В общем-то, так было заведено у всех целителей: молчание и расстояние имеют особую ценность для того, кто способен с трех шагов прочесть любого человека или магуса словно открытую книгу. И все же она чувствовала, что совершила серьезную ошибку, позволив ему сохранить в тайне почти всю жизнь до Тейравена. Она знала, откуда он родом, но понятия не имела, на каком фрегате он провел больше двадцати лет. Она так и не осмелилась спросить, что за бледный, выцветший цветок хранился в его любимой книге – «О природе вещей» Филара. Она навсегда упустила возможность узнать о нем много важного...

От этого, конечно, ее любовь к нему ничуть не ослабела.

[Бамц!]

Внезапно целительницу окружил вихрь мыслеобразов, в центре которого располагался сундук, казавшийся вполне материальным. Из черного дерева, с полустертыми узорами по бокам: берег, башня, птицы над морем, чье-то красивое лицо посреди облаков. Замок на сундуке был устрашающим – огромным, тяжелым. Из замочной скважины высовывался ключ, словно приглашая Эсме спрятать еще что-нибудь *бесполезное*. Она застыла с метлой в руках, чувствуя, как течет по жилам кровь – медленно, точно смола. Каждый удар сердца отдавался в ушах болезненным гулом. Выбираясь из глубин подсознания, [сундук] из эфемерного образа становился почти настоящим и всей своей немалой тяжестью давил ей на плечи. От этих приступов – слава Эльге, нечастых – не было лекарства. Переждать, перетерпеть – вот и все, что она могла. Зато после каждого такого случая невнятные голоса в ее голове надолго замолкали.

В порту зазвенел колокол.

Эсме пришла в себя. Вздвогнув, она оглядела лавку, словно оказалась здесь впервые: светлая комната с большими окнами, два плетеных кресла возле очага, полки и сундуки с книгами и зельями, посередине – специальный каменный стол, на который усаживали или укладывали пациентов.

Все как обычно.

Только Велина нет...

[Бамц!]

– Хватит! – рявкнула девушка, отбросила метлу и выбежала из дома, словно за ней погнался сам Великий Шторм.

На улице гомонила детвора, играя в пиратов. Звонкие крики разлетались по всей округе: «Чур, я Звездочет! А я Крейн, я Крейн!» Окрестные ребяташки частенько забежали к Велину и Эсме, чтобы залечить ссадины и царапины в обмен на какие-нибудь мелкие услуги, но в присутствии родителей держались отчужденно. Завидев целительницу, один из мальчишек первым делом осмотрелся – и лишь убедившись, что никто не наблюдает из окна, подошел к ней.

– Во имя Светлой Эльги, помоги мне! – Тонкий голосок, старательно выговаривающий ритуальную фразу, заставил Эсме улыбнуться против собственной воли. «Не отказывай страж-

дущему, не жалея сил, не читая чужих мыслей» – такую клятву давал каждый вступающий в Гильдию, и нарушить ее было невозможно. Когда Эсме просили об исцелении, она всегда выполняла просьбу.

– Вот... – добавил ребенок плаксиво и протянул правую руку: от запястья до локтя змеилась глубокая воспаленная царапина.

Эсме напустила на себя суровость и покачала головой: дескать, еще чуть-чуть – и дело обернулось бы бедой. Потом она закрыла глаза и очень медленно провела раскрытой ладонью над рукой маленького пациента. Ребятишки не дыша следили, как под пальцами целительницы рождается золотистое сияние – его отсветы ложились на лицо Эсме, придавая ей неземной вид.

– Ну вот, – сказала девушка, когда царапина исчезла без следа. – А теперь я тоже хочу тебя кое о чем попросить.

Мальчишка восторженно смотрел ей в глаза и ждал.

– Я уйду в порт. Если за время моего отсутствия кто-нибудь придет, сможешь меня там разыскать? Я буду в «Водяной лошадке» или где-то поблизости от нее.

– Не вопрос! – Он заулыбался, демонстрируя дырку на месте переднего зуба.

Как обычно – полдня после очередного чуда ее будут любить, но в конце концов...

[Но в конце концов они становятся взрослыми, моя дорогая.]

Она потеряла затылок, однако внезапная боль уже прошла.

Узкая извилистая улочка вела к набережной. Эсме шла медленно, всей кожей впитывая свежий бриз: ветер с моря уносил печаль вместе с шальными мыслеобразами, позволяя ненадолго расслабиться.

У лавки с яркой вывеской «Древности и редкости» целительница ускорила шаг, старательно глядя в противоположную сторону. Несколько лет назад Велин, будучи при деньгах, завел ее внутрь и предложил выбрать «что-нибудь интересное». Другая на ее месте так бы и сделала – благо, выбирать было из чего, – но Эсме совершенно растерялась, увидев великое множество удивительных вещей. Там были странные ткани, покрытые светящимися узорами и струящиеся сквозь пальцы, словно вода; чудные Эльгины колокольчики из хрусталя, поющие от малейшего дуновения ветра; жутковатые мумии существ, о которых ей раньше доводилось читать в книгах Велина.

Больше всего ей понравились золотые бабочки, обитавшие внутри огромного стеклянного шара. «Придворные дамы в столице украшают ими волосы, – сказала Магда, хозяйка лавки, высокая женщина с крупными чертами лица и по-мужски широкими плечами. – Тебе бы пошло, да только вот стоят они слишком дорого».

Украшения для волос? Эсме и не знала, что такое бывает. С крыльев прелестных созданий осыпалась золотая пыльца, но юная целительница поняла, что никогда в жизни не посмеет к ним прикоснуться. Она обернулась, взглянула на учителя – тот понял все без слов и направился к выходу. Уже у самой двери их догнали слова Магды: «А я бы купила твой шарф. Он из очень редкой ткани. Если что, заходи!» И вот тогда Эсме испугалась, хотя сама не понимала отчего.

Шарф был у нее всегда.

Магда не ошиблась, изумрудно-зеленая ткань и впрямь обладала особыми свойствами: она не снашивалась, не выцветала на солнце, не ветшала от времени, ее невозможно было порвать. Иногда девушка пропускала шарф, казавшийся совершенно новым, сквозь пальцы и гадала – сколько хозяек он уже сменил? Как попал к ней?..

Только он и остался у нее от прошлого, которое покоилось в [сундуке].

Улица вильнула, и Эсме вышла к небольшому рынку. Там было многолюдно, ночной улов рыбаки еще не распродали. Порт жил своей жизнью: от складов к причалу медленно топали гроганы, косматые длиннорукие гиганты, волоча огромные ящики с товарами; за гроганами наблюдал человек с плетью. Посреди лодочных загонов бурлила вода – кормили мальков, и те

дрались за еду, отпихивая друг друга пока что маленькими носовыми таранами. Большие фрегаты стояли поодаль, у причала, тихонько покачиваясь на волнах. Их взгляды были похожи на назойливых пчел, которые все вьются и вьются, не решаясь ужалить, но и не желая улетать. Для рыбокораблей правило трех шагов не действовало: Эсме чувствовала беспорядочный поток нечеловеческих мыслеобразов и не могла от него закрыться, как ни старалась.

Горделивые гиганты скучали, желая поскорее вырваться в море – туда, где нет якорных цепей, где рыскают кархадоны и шаркаты, где дремлют под толщей воды ужасные кракены. Эти странные создания, испокон веков служившие людям и магусам верой и правдой, всегда вызывали у Эсме смешанные чувства. Не восхищаться фрегатами было невозможно, но сквозь облик кораблей-под-парусами, сквозь лжеплоть, изображавшую деревянный корпус и разноцветную ткань, проглядывала истинная сущность – звериная, пугающая.

Эсме замедлила шаг. Один из фрегатов внезапно сосредоточился на ней, словно вынырнув из водоворота сине-зеленых видений. Это была совершенно обычная торговая бочка со сложенными грязно-белыми парусами. Матросы чистили ее борта от паразитов и выросших кристаллов соли. Глаза корабля казались стеклянными, пустыми, но Эсме чувствовала: они смотрят, внимательно и с любопытством. На мгновение ей померещилось, что они разного оттенка: левый отдает в зелень, а в правом больше небесной синевы. Но потом целительница поняла, что всему виной игра света и тени, а глаза у фрегата сине-зеленые, словно Океан, и совершенно одинаковые. Поглядев на нее, он сомкнул веки и снова погрузился в грезы о море и рыбах.

По набережной неторопливо прогуливалась тейравенская знать в нарядах, которые стоили больше, чем Велин и Эсме заработали за последний год. Дамы поправляли шляпки и жеманно обмахивались веерами, хотя до полуденной жары было еще далеко, а их спутники поглядывали в сторону моря с явным нетерпением. Несколько пар выделялись среди остальных: были выше ростом, казались сильнее и красивее, в их движениях ощущалось необыкновенное изящество, а во взглядах, которые они бросали на окружающих, – сдержанное высокомерие.

– М-магусы... – пробормотал, проходя мимо Эсме, какой-то матрос. – Дети кракена...

Так было всегда: магусов ненавидели и боялись. Слишком красивые, сильные, умные и хитрые, они жили слишком долго и обладали слишком большой властью. Внешне неотличимые от людей, магусы были не людьми, а небесными детьми, пришельцами из другого мира. Эсме имела особую причину их ненавидеть, и эту причину она не спрятала в [сундук].

На стене таверны Старого Пью было пришпилено пять листков с оттисками личной печати императорского наместника в Тейравене. Эйдел Аквила усердно охотился за пиратами и предлагал всем желающим поведать о местонахождении самых опасных морских разбойников в обмен на вознаграждение. На двух листках из пяти оно было просто несусветным: пять и шесть тысяч импералов. Дороже всех прочих стоил пират по имени Кристоаль Крейн.

Эсме усмехнулась: моряки, чьи разговоры она слушала в таверне, то и дело спорили, как скоро Крейн обгонит свирепого Звездочета, и вот наконец этот день настал. Они оба были отчаянными сыновьями Шторма, но за голову первого теперь предлагали на целую тысячу больше. А еще Крейна, судя по написанному в объявлении, следовало «брать живым», что заставило ее удивленно нахмуриться. В последнее время все только и говорили, каким дерзким стал этот пират, которому удавалось успешно грабить даже казначейские флотилии и всякий раз уходить от сторожевых фрегатов, исчезая словно по волшебству. Как такого бандита взять живым, да и зачем вообще он нужен наместнику и капитану-императору? Разве что для устрашающей казни на главной площади Облачного города. Так или иначе, в Тейравене ему вряд ли могло что-то понадобиться – бывшая столица княжества Амальфи ныне стала нищей имперской провинцией, и управлял ею магус, навлекший на себя гнев капитана-императора.

На всякий случай Эсме пригляделась – она не отказалась бы даже от двадцатой доли вознаграждения. А затем разочарованно вздохнула. С помощью рисунка, изображавшего Крейна, принять за знаменитого разбойника можно было бы каждого пятого посетителя «Водяной лошадки». Словесный портрет тоже мало что давал: *«...Высокого роста, волосы темные, глаза зеленые или голубые, заметных шрамов нет, особых примет нет»*. Нижняя часть объявления была оторвана, но вряд ли там имелось что-то полезное, раз уж «особых примет нет». Она может столкнуться с этим Крейном лицом к лицу и не узнать его...

Хозяином таверны был моряк, щуплый старик с деревянной ногой. Однажды он полез разнимать сцепившихся матросов и получил сильный удар по голове. Если бы не Велин, Великий Шторм забрал бы его к себе на Крабьи луга. Старый Пью высоко оценил спасение собственной жизни и с тех пор всегда угощал Велина и его ученицу бесплатно. Не будь целитель таким молчуном, они с трактирщиком сумели бы по-настоящему сдружиться.

– О-о, вот и моя девочка! – Едва Эсме вошла, Старый Пью подхватил ее под локоток и повел к пустовавшему столику у окна. Несмотря на увечье, он как-то умудрялся передвигаться очень быстро. – Садись-садись, я приготовил для тебя угощеньице. – Он хитро прищурился и жестом фокусника достал из кармана большой персик.

Эсме поблагодарила трактирщика.

– Как ты? – спросил он.

Его мыслеобразы были заполнены цифрами – все, что касалось «Водяной лошадки», Пью держал в голове, не доверяя бумаге, – но искреннее сочувствие и боль проглядывали сквозь арифметический хаос вполне отчетливо.

– Я заметила, на пристани собрался весь птичник, – сказала Эсме, сделав вид, что не расслышала вопроса. – Не знаешь почему? Ждут какой-то фрегат?

Старый Пью одарил ее щербатой улыбкой:

– Угадала! Из Облачного города идет «Морская звезда» с последними новостями и модными тряпками, должна прибыть сегодня. Оттуда давно не было кораблей, все соскучились. А Эйдел, видимо, по-прежнему надеется, что его величество в награду за верную службу позволит бедному раскаявшемуся орленку вернуться ко двору...

Девушка впилась зубами в перезрелый плод, не замечая, что сок течет по пальцам.

Эйдел Аквила, магус из клана Орла, считался олицетворением власти капитана-императора в Тейравене.

Со стороны казалось, что наместник наслаждается жизнью. Он устраивал балы и праздники, заводил романы с красивыми горожанками, гонялся за пиратами, если тех замечали поблизости от города, и даже год назад привез откуда-то двух белых пардусов, которые теперь охраняли его дом, повергая в трепет всех, кого угораздит их увидеть. И все же ни для кого не было секретом, что примерно десять лет назад его отправили сюда в наказание за какой-то проступок. Ходили слухи, что между Эйделом и принцессой Ризель вспыхнула романтическая страсть, которая не пришлась по нраву его величеству.

– Его высокомерство, должно быть, каждую ночь видит во сне Облачную цитадель... – язвительно проговорил трактирщик. – Вряд ли ему хорошо спится, в чужом-то гнезде.

Эсме быстро наступила старому моряку на уцелевшую ногу. В «Водяной лошадке» было несколько незнакомцев – кракен знает, кто такие и откуда. Пью даже глазом не моргнул и громким шепотом принялся рассказывать фривольную историю об очередной интрижке наместника. Завсегдатаи и чужаки исподволь прислушивались, пряча улыбки.

В общем-то, анекдоты об Эйделе тоже были небезопасны, но все-таки лучше, чем воспоминания о поре, когда Тейравен еще не принадлежал капитану-императору, а в белом замке на горе жил лорд Буревестник. Хотя клан Амальфи уничтожили за двадцать лет до рождения Эсме, она иной раз ловила себя на том, что тоскует о временах, которых не может помнить, – чужая шальная тоска, еще один застрявший в ее памяти мыслеобраз. Знать бы чей?..

[Пора бы от него избавиться, разве нет? Ну же, не упрямясь.]

Отворилась дверь, и в «Водяную лошадку» вошли еще несколько человек. Пью шустро заковылял навстречу новым клиентам. Эсме сидела, поигрывая персиковой косточкой, и машинально прислушивалась к разговорам. Ничего особенного ей узнать не удалось: Звездочет расправился с очередным торговым караваном, упустив лишь один фрегат, и выжившие не преминули поведать всем новую историю о его злодеяниях.

Где-то к югу от Тейравена видели подозрительную флотилию: не то пираты собирались на дело, не то жители неугомонной Окраины что-то замыслили. Вейлана Стремительного, командующего флотом капитана-императора, ранили в сражении с фрегатом Лайры Арлини. В порт острова Баглей заходил корабль под изумрудно-зелеными парусами – пиратский фрегат «Невеста ветра», принадлежащий тому самому Кристобалью Крейну, за чью голову обещаны несметные сокровища.

Заскучав, Эсме посмотрела в окно: сквозь распахнутые ставни ветер вольно гулял туда и обратно, донося не очень-то приятные запахи с пристани. Воняло гнилой рыбой... или не рыбой?

Пью, в очередной раз проходя мимо, выглянул в окно.

– Искусай меня медуза, вот и огненный конвой, на неделю позже срока. Какой тупоголовый краб поставил трупход с наветренной стороны? Будет теперь смердеть до вечера, пока они не разгрузятся...

Теперь Эсме поняла, в чем дело. В Тейравен пришел полуфрегат с грузом звездного огня – из множества прозвищ, которыми моряки награждали такие корабли, «дохлятина» и «трупход» были едва ли не самыми любезными. Тело полуфрегата – грузное, покрытое неприятными бесформенными наростами – не обладало ни малейшим изяществом, присущим прочим рыбокораблям, даже настоящим громадинам вроде бочек или проглотов. Трупход превосходил обычный фрегат лишь вместимостью трюмов, но собственные паруса ему заменяли искусственные. Хуже всего была вонь, ужасающий гниlostный запах, который пропитал абсолютно все на борту трупхода. Однако именно полуфрегаты перевозили звездный огонь, который ни один рыбокорабль, даже самый послушный, не позволил бы пронести на борт в достаточно большом количестве.

Она закрыла глаза. К запаху можно было привыкнуть, ко всему можно было привыкнуть, кроме невнятного бормотания в собственной голове. Сейчас, однако, она почти не слышала его и наконец-то смогла немного расслабиться. Среди людей, в окружении их мыслеобразов, но на расстоянии, достаточном, чтобы они не стали назойливыми, Эсме понемногу начала забывать о том, что случилось пять дней назад.

[Нет-нет. Ты знаешь, что надо делать, чтобы все забыть по-настоящему.]

– ...А в чем ты вообще уверен? – послышался раздраженный возглас, и целительница обернулась. Поодаль, за большим столом, сидела компания из пяти моряков и шумно спорила: – Я тебе говорю, так все и было! Кристобаль Крейн и Айха захватили Марейн, когда тамошняя крепость осталась без звездного огня, и полностью опустошили склады и сокровищницу! У них закончилась пресная вода, так эти ублюдки заставили женщин и детей катать бочки на борт, пока мужчин держали под прицелом стрелометов!

Говоривший, огромный детина с туповатым выражением лица, от усердия привстал, опираясь руками о стол. Его собеседники переглянулись и, видимо, решили не возражать. Однако за соседним столом нашелся некто, не столь благоразумный. Там расположилась четверка моряков весьма потрепанного вида. Один из них, с повязкой через левый глаз, показался Эсме сущим бандитом – что-то неприятное было в его нагловатой ухмылке, в расслабленной позе. Двое других выглядели близнецами: оба высокие, широкоплечие, с одинаково непроницаемыми физиономиями. Возразил спорщику четвертый из этой компании, довольно симпатичный темноволосый парень в зеленой куртке.

– Вранье! – заявил он во весь голос. – Я не знаю, что на самом деле произошло в Марейне, но если его и впрямь разграбили пираты, то Крейн в этом точно не участвовал.

– Это еще почему? – с хмурым видом спросил верзила, поворачиваясь к новому участнику спора.

– По трем причинам, – охотно пояснил матрос в зеленой куртке. – Во-первых, Крейн никогда не стал бы знаться с таким отребьем, как Айха. Во-вторых, он лоялен Окраинным колониям...

Эсме отметила, что незнакомец, пожалуй, слишком уж образован – где это видано, чтобы простой морской бродяга употреблял умные словечки вроде «лояльный»? Да и «Окраинными колониями» королевство Лайры никогда не называли. Окраина – она и есть Окраина.

Она вдруг пожалела, что сидит слишком далеко и не может ощутить мыслеобразы этого смельчака.

– ...И ни за что не причинил бы вред городу, откуда родом сам Лайра Отчаянный, – продолжал тем временем странный моряк. – Они же друзья, об этом знают, наверное, даже крабы. А в-третьих, у Крейна хороший фрегат, не какое-нибудь бестолковое корыто. Там есть опреснитель – зачем ему издеваться над мирными жителями ради *воды*?

Верзила стукнул кулаком по столешнице:

– Чтоб меня медузы сожрали! Ты откуда взялся, меррский грамотей?!

– С того берега моря, – насмешливо отозвался матрос в зеленой куртке и, откинувшись на спинку скамьи, положил ноги на стол. В его правом ухе блеснула золотая серьга, свидетельствующая о том, что говорливый незнакомец проходил экватор. – Про «Невесту ветра» во всех портах судачат, только успевай слушать и запоминать. Но у тебя, видать, с памятью как раз не все гладко. Ты, наверное, и бабьего узла завязать не сумеешь, потому что больше одной мыслишки в твою башку не помещается...

– Чего-о?! – взревел верзила и, в мгновение ока очутившись рядом с обидчиком, ухватил того за шиворот. – Ты что себе позволяешь, умник?!

– Я прав, – спокойно подытожил матрос с серьгой. – Славненько. Эй, народ! Я вызываю этого парня на состязание плетельщиков.

Весть о состязании непостижимым образом разнеслась повсюду, и вскоре в «Водяной лошадке» стало тесно. В толпе Эсме заметила даже парочку роскошно одетых магусов – видимо, небесным детям захотелось понаблюдать, как развлекаются простолюдины.

Правила состязания плетельщиков были просты: противники поочередно называли друг другу три узла похитрее и демонстрировали перед собравшимися свое умение. Специально избранный судья – им назначили Старого Пью – следил, чтобы никто не жульничал, и вел отсчет времени. Девушка ничуть не удивилась, когда матрос в зеленой куртке играючи справился с заданиями верзилы, а вот тому повезло куда меньше: если с «мерровой удавкой» он еще худо-бедно разобрался, то «петля грогана» заставила его попотеть, а нечто под названием «оторви-и-выбрось» окончательно добило. После того как проигравший скрылся с глаз долой, весь красный от ярости и стыда, нашлись и другие желающие попытать счастья. Они тоже не смогли превзойти умелого незнакомца, и его кошелек заметно растолстел. Пью успевал и судить, и командовать трактирными слугами, шустро разносившими пиво. Веселье достигло своего пика, когда парень вдруг снял серьгу и громогласно объявил, что у него иссякло воображение, поэтому он отдаст украшение игроку, который сумеет не завязать, а *развязать* узел, который он завяжет сам. Такое позволялось правилами, но ставить на кон символ пересечения экватора было неслыханной дерзостью. И все же Эсме оказалась едва ли не единственной, кто почувствовал подвох.

Когда пятый претендент на золотую сережку ушел несолоно хлебавши, она пробралась к столу, за которым устроился хитроумный плетельщик, и взглянула на дело его рук: узел из двух веревок был прост... обманчиво прост. Целительница, задумчиво хмурясь, проследила,

как еще два человека попытались его развязать, отчего плетение еще больше запуталось. Что бы ни делали матросы, узел оставался узлом. Он был странный – словно живой.

Где-то на дне ее памяти шевельнулся чужой мыслеобраз.

В самом деле, почему бы не попробовать...

– Эй, весельчак! – негромко позвала Эсме. Незнакомец тотчас обернулся, его приятное загорелое лицо осветилось широкой белозубой улыбкой. – А если я развяжу узел, ты выдержишь слово и отдашь серьгу? Я ведь не из ваших.

Один из товарищей незнакомца начал было возражать, но другой – с повязкой на глазу – остановил его. Плетельщик узлов этого не заметил, он смотрел только на Эсме.

– Даю слово. А если у тебя не получится... – Парень хитро улыбнулся. – Ты подаришь мне поцелуй сегодня ночью?

– Идет, – согласилась Эсме и даже не покраснела.

Моряки притихли и с интересом уставились на нее.

Целительница взяла веревку и позволила рукам действовать отдельно от разума, как если бы все происходило во сне. Собравшиеся, затаив дыхание, наблюдали, как она немного ослабила плетение, затем продела один из свисавших концов сквозь образовавшуюся петлю.казалось, что она еще сильнее все запутала и теперь-то узел ни за что не развяжется.

Зажмурившись, Эсме подняла руки над головой, чтобы веревку видели абсолютно все в таверне, а потом медленно потянула концы в разные стороны. Хотя сама она и не видела результата, восхищенный вздох был прекрасным свидетельством того, что у нее получилось.

Она открыла глаза. Матрос смотрел на нее не мигая, с растерянностью и какой-то странной тоской. Он, наверное, уже очень давно не проигрывал.

– Малый, выполняй уговор! – крикнул кто-то.

Матрос с тяжелым вздохом протянул победительнице награду.

Эсме спрятала руки за спину.

– Предлагаю немного изменить условия спора, – сказала она, и тут-то растерялись все собравшиеся вокруг зрители. – Оставь ее себе – мне без надобности такие украшения. Пообещай взамен, что, если тебе или кому-то из твоих друзей в Тейравене понадобится помощь целителя, вы пойдете ко мне, а не куда-то еще. Меня зовут Эсме.

На мгновение в таверне стало тихо, а потом все сразу начали шумно обсуждать, возможно ли поступить так, как она предложила. Кто-то вспомнил про судью состязания. С трудом сдерживая улыбку, Старый Пью произнес патетическую речь о том, что нет ничего важнее честного слова, и в конце концов заявил, что такой обмен вполне допустим, поскольку серьга бесценна и, соответственно, проигравшему предстоит расплачиваться всю оставшуюся жизнь.

– Осталось лишь понять, – закончил Пью, – сумеешь ли ты уговорить товарищей.

– Не извольте беспокоиться, – заявил матрос, к которому уже вернулось самообладание. – Даже мой капитан не станет возражать. Я принимаю твои условия... Эсме.

Ее рука казалась маленькой и слишком белой на фоне загоревшей ладони моряка.

– Пива всем за мой счет! – объявил он, и в последовавшей суматохе Эсме не сразу заметила, что за ней пристально наблюдает какой-то человек в черной куртке с капюшоном, низко надвинутым на лицо.

В тот момент, когда она его увидела, маскировка потеряла всякий смысл, поскольку мыслеобразы наблюдателя свободно вертелись вокруг него и прочитать их не составляло труда. Он был близко – как раз в трех шагах.

Эсме застыла, растерянно моргая.

Мужчина в капюшоне растолкал стоявших впереди и, взяв ее за локоть, повлек к выходу. Целительница попыталась сопротивляться, но его хватка была нечеловечески крепкой, и двигался он очень быстро.

– Отпустите! – наконец сумела выговорить девушка, когда они оказались на улице. – Что вам надо от меня? И что столь уважаемая персона, как вы, делает в таком сомнительном заведении?

– В каком порядке отвечать на вопросы? – язвительно поинтересовался высокий красивый магус, глядя на нее из-под капюшона. – И где твоя почтительность, целительница Эсме, подруга пьяных матросов?

– Там же, где ваша совесть, господин Аквила! – огрызнулась девушка. – Отпустите сейчас же!

Эйдел рассмеялся и отпустил ее руку так резко, что она чуть не упала.

– Недолго же ты горевала после смерти учителя и опекуна. А я всего лишь хотел выразить свои соболезнования. Все собирался нанести визит, да вот посчастливилось встретиться случайно... в самом неожиданном месте.

– Не говорите глупостей, я вам не верю, – хмуро пробормотала Эсме, потирая локоть, – он словно побывал в тисках. – Вы только за последний год дважды появлялись у нас – случайнее некуда! – и оба раза это приводило к неприятностям.

– Эсме, послушай... – Наместник вновь взял ее под руку, на сей раз аккуратно и даже любезно, и повел в сторону ближайшего причала. – Пять лет назад, когда ты отправила в Облачный город прошение о пересмотре того давнего дела, я объяснил тебе, что произошедшее с твоей семьей – лишь печальная закономерность. Я выполнял обязанности, возложенные на меня его величеством.

– Вы... – От возмущения она чуть не задохнулась, но продолжала идти рядом с ним, не в силах остановиться. – Это ведь было ваше решение, ваш приказ! Никто не обвинял моего отца в сотрудничестве с пиратами, пока вам вдруг не понадобилось отнять у моей семьи все имущество! После этого вы смеете утверждать, что...

– Твой отец лишился всего из-за собственной неосмотрительности, а я поступил так, как велел мне долг. – В голосе магуса проскользнули металлические нотки, приятное лицо стало похожим на каменную маску. – И хватит орать. Ты сейчас повторяешь чужие домыслы, а сама ничего не помнишь. Я давно знаю про твой... как вы там его называете? Да, про твой сундук. Я знаю все. Хватит глупостей, а то еще дофантазируешься до того, что пожар в вашей лачуге тоже я устроил.

[Бамц!]

Он знал, как сделать ей больно. По щекам Эсме потекли слезы.

– Хватит о былом. Я вот что хотел спросить... Не осталось ли каких-нибудь бумаг Велина? Может, он вел записи о том времени, когда был целителем на... гм... фрегате?

– Разве ваши шпионы не обшарили лавку в первую же ночь после его смерти? – хмуро поинтересовалась Эсме. – Я не спала и прекрасно слышала, как они ходят вниз. Спасибо, что хоть не украли ничего.

Наместник коротко рассмеялся, скрывая нетерпение.

– Помилуй, дитя! Что такого ценного они могли найти, кроме вороха дурацких свитков с рецептами дурацких зелий? То, что мне нужно, несравнимо дороже.

– О чем вы, кракен побери, говорите?! – растерянно спросила целительница. – Мы... я... у нас с Велином не было никаких драгоценностей! Это, наверное, какая-то ошибка.

Он вздохнул, как вздыхает отец, уставший беседовать с непослушным ребенком и понимающий, что придется перейти к более действенным мерам. В этот момент толпа, собравшаяся на пристани, заволновалась: на горизонте показалось темное пятнышко.

– Я должен тебя покинуть, – сказал Эйдел, и его голос смягчился, а настроение заметно улучшилось. Он и впрямь очень ждал прибытия «Морской звезды». – Но наш разговор не окончен. Мне нужна информация, Эсме. Не драгоценности, не деньги, а сведения. Если ты

вдруг вспомнишь, что Велин рассказывал про своего капитана... или найдешь его записи об этом человеке...

Магус помедлил, потом договорил:

– То я смогу рассказать кое-что интересное о ночи, когда погибла твоя семья. Тебя это очень заинтересует, но в жизни ничего не дается даром. Заплатишь мою цену – я в долгу не останусь. Думай.

И он ушел. Эсме шагнула вперед, будто ослепнув, и налетела на незнакомца – высокого пожилого мужчину с длинными седыми волосами, который стоял и курил трубку, задумчиво наблюдая за приближением корабля. Вопреки ее ожиданиям, незнакомец не стал возмущаться, а учтиво спросил:

– Вам плохо?

Она стиснула зубы. Ей и в самом деле было нехорошо, но рассказывать об этом постороннему явно не стоило. Старик с сомнением покачал головой. Эсме ощутила его желание помочь и, торопливо отступив, смешалась с толпой.

[Гордость тебя погубит, дитя.]

Когда долгожданный гость – «Морская звезда», большой горделивый фрегат с парусами цвета запекшейся крови – уже направлялся к пристани, Эсме кто-то окликнул. Она усилием воли стряхнула апатию, нахлынувшую после неприятного разговора с Эйделом, и огляделась. Вокруг собралось достаточно много людей, и прошло еще несколько минут, прежде чем мальчишка-сосед сумел протолкаться к ней.

– Эсме, скорее! – Он схватил ее за руку и потянул за собой. – У твоего дома два посетителя, они ждут! Ну что же ты стоишь?!

«Посетители?»

Она окончательно пришла в себя и заторопилась домой, напоследок взглянув на «Морскую звезду», которая начала складывать паруса. Целительница ничего не смыслила в морском деле, но мыслеобразы, исходившие от этого фрегата, ощущала отчетливо. Существо было охвачено сильным недовольством, переходящим в злобу. Интересно, кто же ухитрился так испортить рыботорговцу настроение?

– Это не мое дело, – пробормотала Эсме и лишь теперь вспомнила, что не узнала ни имени плетельщика узлов, ни названия его фрегата. Все из-за внезапного появления наместника. Она могла бы расспросить Пью, но отчего-то чувствовала, что толку от расспросов не будет.

Что ж, поделом – ведь она выиграла спор нечестно.

У дома ждали двое: мужчина и мальчишка-подросток. Эсме никогда раньше их не встречала и, ощутив внезапную уверенность, что это матрос и юнга, поспешно остановилась, не решаясь приблизиться на три шага.

– Доброго вам дня! – сказал старший и поклонился, словно видел перед собой важную даму, а не бедно одетую босоногую девушку. Он был долговязый, нескладный, с лицом добродушным, но очень некрасивым: с чересчур крупными чертами и глазами навывкате. – Это дом целителя Велина, не так ли?

Юнга, светловолосый и голубоглазый, глядел на нее с робким интересом и молчал. По сравнению со стоявшим рядом матросом он казался весьма симпатичным, и еще в нем чувствовалось что-то странное...

Вместо ответа на вопрос Эсме просто кивнула.

– Вы, должно быть, его ученица? – продолжил матрос, смущенно улыбаясь. – Где же сам Велин? Я должен передать ему послание от старого друга. Его нет?

Наверное, у нее изменилось выражение лица, потому что неожиданные гости растерянно переглянулись. Эсме с трудом взяла себя в руки. Как бы ни хотелось ей и дальше молчать,

чтобы не бередить рану, которая только-только начала затягиваться, нужно было рассказать всю правду о случившемся.

– Его совсем нет, – тихо проговорила она. – Пять дней назад мой учитель умер.

Юнга сочувственно охнул. Матрос понял, что их появление причинило ей сильную боль. Он всплеснул руками и забормотал так тихо, что она едва расслышала:

– Мне жаль, мне так жаль... простите нас... мы всего лишь хотели...

А потом окончательно растерялся и замолчал.

– Что вы должны были передать? – спросила Эсме, и вопрос прозвучал резковато. Настал ее черед смущаться, но ни матрос, ни его юный спутник этого не заметили.

– Послание на словах, – сказал матрос и махнул рукой. – Просьбу о встрече... Впрочем, теперь это не имеет значения. – Он тяжело вздохнул и покачал головой: – Сочувствую вашей потере. Пусть его душе будет спокойно в Садах Эльги. А нам пора...

– Доброй погоды, попутного ветра, – хмуро пробормотала Эсме.

На этом короткая и бестолковая беседа завершилась. Войдя в дом, целительница не удержалась и выглянула из окна: странная парочка как раз заворачивала за угол, и юнга напоследок обернулся. Эсме даже издали почувствовала жалость, которую он испытывал, и ее настроение испортилось окончательно.

Она присела на табурет, окинула взглядом комнату и закрыла глаза – так удобнее было думать. Все шло просто отвратительно. За две недели, пока Велин болел, не вставал с постели и не работал, их скудные сбережения подошли к концу. В кладовой остался только мешок сухарей, да и тот неполный. Вдвоем они едва выживали, а что же теперь ей делать одной?

Она даже продать ничего не сумеет, кроме зеленого шарфа.

Эсме сняла его и разгладила тонкую ткань на коленях. Хозяйка «Древностей и редкостей» будет рада заполучить вожделенную диковинку, хотя полной цены точно не заплатит – из скупости, свойственной всем торговцам, а также из мстительного желания наказать строптивую девчонку за то, что на раздумья ей понадобилось несколько лет. И все-таки шарф подарит ей время. Она докажет всем – и горожанам, и морякам, – что юная девушка может быть столь же искусной целительницей, как и седой старик.

Впрочем, Велин рано состарился, потому что превосходил многих...

Эсме ощутила внезапное беспокойство – лицо учителя перед ее внутренним взором сменилось лицом Эйдела Аквилы, а потом мимо проплыл, помахивая хвостом, все тот же мыслеобраз – серебристая рыбка с черными полосками по бокам.

Десять лет назад жизнь Эсме перевернулась – десять лет назад она открыла [сундук], о котором – если Велин не пугал ее нарочно – другие целители предпочитали говорить шепотом или вовсе молчать. То, что было до [сундука], она знала лишь по рассказам Велина и обрывкам подслушанных разговоров. Ее звали Эсме Занте. Она родилась в Тейравене, весной ей исполнилось двадцать. Ее отец, Бартоло Занте, был торговцем, мать, Леона Занте, – дочерью рыбака. Ее брат, Паоло, был на пять лет старше. Однажды ее отца обвинили в сотрудничестве с пиратами Окраины, и Эйдел Аквила, разобрав дело за полчаса, постановил конфисковать все, что принадлежало «пособнику бандитов». Той ночью, когда они ждали приставов, случился пожар, и все, кроме Эсме, погибли в огне.

Она все потеряла. Почему же шарф, о котором нет никаких воспоминаний, кажется ей таким важным?..

[Так я и думал. Ты лучше помрешь с голоду, чем расстанешься с ним.]

– Я боюсь совершить ошибку, – сказала Эсме вслух. – Я понятия не имею, что он на самом деле значит для меня. Вдруг это ключ к... тайне? И если я его отдам, то уже никогда не узнаю правды?

[Если не отдашь, то погибнешь.]

Она снова почувствовала боль в затылке и еще кое-что... Ощущение было такое, словно Велин разговаривает с ней откуда-то из-за стены, и его голос звучал очень неразборчиво – она не могла понять ни единого слова, хотя напряженно прислушивалась. Ей так не доставало того, кто мог бы дать мудрый совет.

– Светлая Эльга, ну хоть ты сделай что-нибудь, – попросила она, смущаясь и злясь на себя за то, что обращается к Заступнице – да еще и вслух! – хотя раньше была твердо уверена, что со всеми невзгодами справится сама. У Эльги и без того хватало проблем. – Мне, похоже, больше не к кому идти...

Эльгин колокольчик на окне тихо и грустно звякнул. Эсме невесело улыбнулась, выпрямила спину и положила руки на колени ладонями вниз. Медитация должна была успокоить ее тревогу, привести в порядок разбредающиеся мыслеобразы. Ну что ж, придется довольствоваться малым, раз уж никто и ничто не в силах ей помочь.

[Паоло идет по мелководью, и серебристая рыбка неотступно следует за ним, то и дело подплывая совсем близко. Он поворачивается к Эсме: на его лице улыбка до ушей, глаза сияют от счастья. Подумать только, собственный фрегат. Пока что совсем маленький, помещается в ладонях, но настоящий – с умным взглядом, с характером... Существо, которое никогда не предаст. Даже как-то не верится, что оно вырастет и станет такой же громадиной, как и те, что стоят у причалов в порту.

– Ты уже придумал имя?

– Нет.

В его улыбке сквозит лукавство.

– Врешь! Ты просто не хочешь мне говорить!

– Не выдумывай!

– Скажи! Скажи, а то я пожалуюсь маме... Я ей расскажу, что ты опять с Ведьминого носа прыгал, хотя клялся, что больше не будешь так рисковать!

– Ты следила за мной? Отхлестать бы тебя медузыми щупальцами за такое!

– Скажи! Скажи сейчас же!

– Ладно. Я назову ее...

Берег тонет в яркой вспышке, а потом наступает тьма.]

Через несколько часов она пришла в себя от голода и побрела в кладовую, взяла несколько сухарей из мешка. Потом подобрала с пола кусок заплесневелого сыра и задумчиво на него посмотрела.

В дверь постучали.

– Эсме, или как там тебя?

На пороге стоял высокий широкоплечий мужчина с уродливым шрамом на правой щеке и длинными ручищами, делавшими его похожим на грогана. Надсмотрщик, тот самый, которого она видела утром в порту. Кажется, они раньше встречались, она даже вспомнила его имя – Кайо. Взгляд у неожиданного гостя был злой, словно не он пришел просить о помощи, а его о чем-то попросили, и весьма не вовремя.

– Во имя Светлой Эльги, помоги, – проговорил он быстро, без намека на почтительность. – В порту фрегат схлопнулся и задавил троих. Двоих слегка прижал, а третьему, кажется, переломал ребра.

– Троих? – растерянно переспросила Эсме.

– Гроганов, – уточнил надсмотрщик с ухмылкой. – Троих, чтоб их кракен слопал, мохнатых гроганов. Ты идешь со мной или постоим, поговорим – подождем, пока они там все сдохнут?

Она кивнула и метнулась к сундуку с целительскими зельями: для серьезных ран пробудилки не хватит, тут требуется кое-что посильнее. Зелья различались не только по вкусу и цвету – у каждого имелось название – зачастую красивое, поэтичное, вроде «лунного света» или «крови мерра», – и каждое обладало особыми свойствами, позволяя черпать из запасов, подаренных Эльгой, достигая все большей глубины. Самое сильное снадобье называлось просто «смола», и цвет у него был темно-коричневый, почти черный.

Схватив флакон с лазурной «кровью мерра», Эсме поспешила следом за Кайо.

В бараки они вошли через черный ход. Внутри было темно и сыро, со всех сторон слышалось ворчанье и сопение. Кто-то неразборчиво бормотал низким голосом, судя по интонации – жаловался. Кайо грязно выругался и достал плетку. Бормотание тотчас же стихло.

Глаза Эсме с трудом привыкали к полумраку, но она и не собиралась полагаться на обычное зрение – сейчас в дело вступало целительское чутье. Мир вокруг нее изменился: стены барака растворились, все залил мерцающий свет, в котором застыли девять фигур – широкоплечих, длинноруких и мохнатых. Один лежал на полу, другие стояли рядом и смотрели на него. Их тела стали для Эсме безликими сосудами, в которых содержалось то, с чем ей и предстояло работать.

Она не боялась гроганов. Мало кто испытывал к этим созданиям другие чувства, кроме страха и отвращения; даже Кайо и прочие надсмотрщики их опасались, во всем полагаясь на плети. Но Эсме и Велин лечили гроганов не только потому, что вынуждены были браться за самую опасную и грязную работу. «Ни одна живая тварь не заслуживает боли и страданий, – часто повторял ее учитель. – Мы просто цветы во мраке, только и всего».

– Отойдите в сторону, – попросила Эсме и тут же вспомнила, что гроганы выполняют только строго определенные команды. Однако они все-таки отступили, как будто поняли ее. Вокруг витали их простые и понятные мыслеобразы, среди которых преобладали сильная усталость и не менее сильный голод. Злобы не было совсем.

Эсме глотнула «крови мерра», закрыла глаза и протянула руки к раненому.

Когда реальный мир отступал и открывалась дорога в то место, которое целители называли сердце-сутью, каждый из них видел что-то свое. Велин рассказывал ей о длинных полосах разноцветной ткани, которые нужно было штопать и зашивать, но сам, впервые упомянув о цветах во мраке, невольно придал воплощению ее целительского дара другой образ. Там, куда она попадала, царствовала безграничная тьма, и посреди тьмы рос одинокий цветок, словно бросая вызов пустоте. Желтые цветы сердце-сути гроганов казались до смешного безобидными по сравнению с их грозной внешностью.

У того цветка, что распустился перед ней сейчас, некоторые лепестки были изломаны, их края стремительно высыхали. Эсме ринулась вперед, и ее пальцы превратились в иглы, а то, что она черпала из целительского источника в своей душе, – в нить.

Она начала шить.

Это было ее долгом, ее призванием – шить, восстанавливая разрушенное.

Когда целительница открыла глаза, над ней нависала поросшая черной шерстью физиономия с красными глазами под выступающими надбровными дугами и с клыками, словно созданными для того, чтобы рвать глотки врагам. Исцеленный гроган обнюхивал ее лицо, посапывая. Она обернулась в поисках Кайо:

– Этот готов. Где остальные двое?

Эсме не видела лица надсмотрщика – он казался черным силуэтом на фоне дверного проема, – но почувствовала в его позе странное напряжение, которого не было до того, как она погрузилась в целительский транс.

– К кракену тех двоих, и так очухаются. Этот дурной фрегат только что придавил еще пятерых, – сказал Кайо. В его голосе звучала досада. – Я... ох, даже не знаю... Ты, конечно, не осилишь столько тварей зараз, так что пойду-ка я искать другого цели...

– Давайте сюда всех, – перебила Эсме. – Я справлюсь.

Он на миг застыл, а потом махнул рукой кому-то снаружи.

Через минуту в барак одного за другим начали заносить раненых.

Со второго раза фрегату удалось куда сильнее навредить косматым созданиям. Все пятеро пострадали очень серьезно: у одного были сломаны обе ноги, другому сплющило грудную клетку, еще у двоих оказались до живого мяса ободраны спины. Эсме машинально вытащила из кармана флакон с «кровью мерра», отпила немного, потом взглянула на последнего грогана – и осушила все до дна.

У несчастной твари был сломан позвоночник.

Усталость тела не имеет ничего общего с усталостью души. Исцелив последнего пациента, Эсме почувствовала себя кувшином, из которого вылили всю воду.

– Ты хорошо поработала, – донесся откуда-то издалека голос Кайо. – Держи.

Она взяла у надсмотрщика маленький кошелек и не стала его развязывать, чтобы пересчитать деньги. Обманывать целителя, даже молодого и неопытного, грешно, и немногие рискуют навлечь на себя гнев Светлой Эльги. За гроганов платят мало, но на неделю ей хватит, при ее-то скромных запросах. Вот и хорошо. Шарф пока можно не продавать.

Снаружи погасли последние отблески заката и затихли колокола эльгинитов. Где-то поблизости шумно вздыхало море. Кайо щелкнул плеткой, и гроганы друг за дружкой двинулись к выходу – их работа продолжалась до поздней ночи. Они шли, покачиваясь, обдавая Эсме волнами звериного запаха и привычными спокойными мыслеобразами – работа, спать, спать, еда, – но последний на мгновение задержался и пристально посмотрел на целительницу. В его глазах она разглядела совсем не звериное выражение. Он наклонил голову, словно в знак признательности. Эсме растерянно моргнула и решила, что если гроган кажется ей разумным существом, то она, вероятно, уже спит.

Вернувшись домой, она лишь у лестницы на второй этаж сообразила, что не заперла входную дверь. Обратный путь до порога показался невероятно длинным, потому что глаза слипались, а ноги шли тяжело, будто по песку.

Дверь закрываться не хотела.

Целительница медленно опустила взгляд и увидела в дверном проеме чью-то босую ступню с длинными черными ногтями, больше напоминающими когти, покрытую... перьями?

Незнакомый голос со странным певучим акцентом произнес:

– Во имя Светлой Эльги, помоги!

Эсме подняла голову и увидела ожившую легенду.

Он был невысокого роста – лишь самую малость выше самой целительницы, худощавый, с узкими плечами и загорелым до черноты треугольным лицом, на котором выделялись огромные бирюзовые глаза. Жесткие черные волосы стояли дыбом; в сочетании с длинным носом с горбинкой это придавало чертам странного гостя что-то птичье. Собственно, он и был птицей – наполовину. За его спиной виднелось нечто, в густом сумраке тейравенского вечера похожее на развевающийся плащ. Крылья. Гигантские, черные, настоящие. Из одежды на нем имелись только широкие матросские штаны; черные перья покрывали тело от шеи вниз – они не росли только на ладонях, где кожа была темно-серой. Пальцы венчали острейшие изогнутые когти.

– Во имя Светлой Эльги... – повторил крылан, настороженно глядя на нее.

Эсме вдруг поняла, что этот странный день может закончиться для нее очень плохо. Она уже выбрала порядочное количество целительской силы. Если новому гостю, весьма необычному, понадобится серьезная помощь – а судя по тому, что в мыслеобразах человека-птицы

звенит сталь и раздаются чьи-то крики, так и есть, – ей придется выпить что-то еще, тем самым нарушив одно из правил Велина, гласившее, что нельзя на протяжении суток принимать больше двух разных зелий.

Но, с другой стороны, клятва Эльги важнее всех правил.

– Входите. – Она отступила, пропуская визитера. Крылан вошел – кончики маховых перьев прошуршали по полу, – а следом показались двое дюжих матросов, тащивших третьего. Бедолага едва переставлял ноги, голова его свесилась на грудь, и черные волосы полностью скрывали лицо. Там, где его провели, остался кровавый след.

Последним вошел плетельщик узлов.

– Я сказал, что сдержу слово, – произнес он, улыбаясь. – И сдержал.

Он был очень бледен и шатался. Эсме опустила взгляд: на зеленом сукне куртки расплывалось темное пятно. Она подалась вперед, чтобы приложить ладонь к ране, но крылан с неожиданным проворством схватил ее за запястье.

– Здесь есть тот, кому твоя помощь нужнее, – сказал человек-птица, кивком указывая на стол, куда уложили раненого.

Эсме нахмурилась. Незнакомец был без сознания, он потерял много крови и действительно нуждался в помощи. Однако стоявший перед ней матрос мог умереть в любую секунду.

– Это правда. – Плетельщик попытался улыбнуться, на его лбу выступили крупные капли пота. – Помогите ему...

Целительница упрямо поджала губы – Велин знал эту гримасу, он бы понял, что спорить с его ученицей сейчас не стоит. Крылан что-то сказал, но Эсме уже нырнула в сердце-суть Плетельщика.

Ослепительно-белые лепестки его души хранили следы целительского вмешательства – их зашивали и штопали не меньше двадцати раз. Кругом порхали мыслеобразы – доверчивые, словно ручные голуби. Возле сердце-сутьи время текло по-другому, можно было не торопиться, поэтому Эсме не устояла перед искушением, коснулась одного – и на краткий миг очутилась на верхушке мачты, наедине с бескрайним голубым простором, где не существует границы между небом и морем.

А потом принялась за дело.

Когда за жизнь Плетельщика уже можно было не опасаться, она оттолкнула его и прошла мимо стола, где лежал раненый, к сундучку с зельями. Крылан уже ничего не говорил – смотрел молча, не мигая, и в его взгляде читалось множество разнообразных чувств. Он ей не доверял.

Эсме вытащила еще один флакон «крови мерра», зубами вытянула пробку и выплюнула ее, после чего выпила содержимое залпом.

«Я попробую так. Если не получится, то...»

[Если не получится, тебя ждет мучительная смерть.]

Прошла будто бы целая вечность, прежде чем в голове у нее прояснилось. Эсме с некоторым удивлением посмотрела на предмет, который вот уже некоторое время сжимала в кулаке. Наконечник стрелы, застрявший у Плетельщика между ребер. Под действием ее силы он вышел и теперь казался просто безобидным куском железа. Интересно, у этого моряка каждый день случается так, что утром он зарабатывает кругленькую сумму, а вечером здоровается с самим Великим Штормом?..

Она снова запустила руку в сундук и вытащила другой флакон.

– Держите. – Крылан слегка оторопел, но принял хрупкую стеклянную бутылочку с густой темно-коричневой жидкостью безропотно, не задавая лишних вопросов. – Если что-то пойдет не так... если вы увидите, что вашему другу не становится лучше... заставьте меня это выпить. Одного глотка достаточно. Заставьте, даже если я стану сопротивляться.

Человек-птица кивнул.

Каждое слово, каждое движение отнимало силы. Эсме подошла к столу, приподняла лохмотья, в которые превратились куртка и рубашка незнакомца, и поняла, отчего Плетельщик узлов и крылан так беспокоились о нем: лицо и грудь моряка покрывала корка запекшейся крови, а его правую руку явно попытался оторвать или отгрызть какой-то большой зверь... и почти преуспел. Кто-то перетянул страшную рану жгутом чуть выше локтя. Друг Плетельщика мог умереть от потери крови или потерять руку. Но этого, конечно, не случится. Она ему поможет.

А Эльга-Заступница поможет ей.

Взрыв.

Эсме попала не во тьму, а в самый центр пламенного вихря, и, на мгновение позабыв о собственной бестелесности, ощутила страшную боль. Об этом ей раньше доводилось лишь читать в книгах, потому что магусы никогда не приходили к Велину с просьбой об исцелении.

Мерзавец, лживая тварь, сородич вероломного Эйдела Аквилы...

Нет. Нет-нет-нет. Велин говорил, что все люди – просто цветы во мраке, и был прав. У гроганов сердце-суть желтого цвета, у людей – белого, у магусов, как она теперь убедилась, – бледно-лилового. Но сам по себе цветок души хрупок и беззащитен, как бы ни выглядел содержащий его сосуд. Она целитель. Ее долг – исцелять, шить, восстанавливать разрушенное.

Ведь ни одна живая тварь не заслуживает боли и страданий.

Она превратила свои пальцы в иглы и подготовила нить, а потом вдруг ощутила чье-то постороннее присутствие. Вот об этом в книгах не писали, и Велин ей не раз повторял, что целитель и пациент всегда остаются *наедине*. Даже когда он сам наблюдал за работой ученицы, она его не чувствовала, и он не смог бы вмешаться, случись что-нибудь нехорошее. Теперь же все было по-другому. Кто-то следил за ней, кто-то находился рядом. Сосредоточившись на странном ощущении, она поняла, что наблюдатель – не человек и не магус. Его присутствие было рассеяно во тьме, и, как Эсме ни старалась понять, где он, все время получалось, что чужак смотрит ей в затылок. От этого она начинала ощущать собственное тело, делалась слишком тяжелой для эфемерного мира сердце-сути, снова теряла контроль над собой.

А еще здесь были серые тени...

По ту сторону бледно-лиловых лепестков мелькали силуэты людей, которых этот магус отправил к Великому Шторму. Их было много, очень много. Такие тени ей и раньше встречались – острые ножи моряки носили вовсе не в качестве украшений, и всякий раз, после того как лезвие отнимало чужую жизнь, в душе убийцы оставался отпечаток. Даже если он защищался или если его поступок был оправдан иной причиной. Но еще ни разу Эсме не видела, чтобы серых теней оказалось... двадцать? Двадцать пять? Нет, больше. Они множились, кружились, словно танцуя под неслышную музыку, и она не могла их сосчитать.

Магус, да к тому же головорез, у которого руки в крови не по локоть, а по самые плечи. Руки!

Усилием воли заставив себя не обращать внимания на затаившегося наблюдателя, которого здесь не должно было быть, Эсме принялась за дело. Она пришла, чтобы восстановить целостность сердце-сути, остальное ее не касается. Зашить дыры. Залатать прорехи. Она – игла, она – нить, и больше ничего.

Человек-птица, Плетельщик узлов и двое незнакомых матросов видели, как разверстая рана на руке их товарища заживает сама по себе: тянутся нити сухожилий, кровь наполняет сосуды, новая кожа темнеет, сливается со старой.

Мимо нее проплывали мыслеобразы, серебристые рыбки.

– Высокая темноволосая женщина стоит на балконе и смотрит вдаль. Чайки, пронзительно крича, выются над прибрежными скалами. На женщине платье изумрудного цвета, она

красива, как все небесные дети, и еще она очень несчастна. Ее губы шепчут чье-то имя, а рука невольно приподнимается, словно желая схватить маленький фрегат, идущий прямым курсом на закат, и вернуть домой – туда, где Великий Шторм не будет ему угрозой. Она думает, что рядом никого нет, и лишь поэтому позволяет себе плакать.~

– В ослепительно синеющей дали – тонкая, как лезвие бритвы, граница между двумя безднами. Руки онемели от напряжения и вот-вот упустят спасительное, но предательски скользкое бревно. Над водной гладью парят призраки – прозрачные руки тянутся, так и норовят схватить, утащить за собой. Беззвучно шевелятся тонкие губы: разве ты не настрадался вдосталь? Разве не просил всех богов, своих и чужих, о встрече с нами? Так вот мы, здесь. Просто протяни руку – и все закончится.~

– Площадь, заполненная людьми. Их много – не протолкнуться. Совсем рядом мальчишка-оборванец вытаскивает кошелек из кармана какого-то толстяка, не волнуясь о том, что его заметят, – все взгляды прикованы к возвышению в центре площади. Кажется, там произошло что-то страшное.~

Внезапно Эсме ощутила сильную тревогу. Она огляделась по сторонам: бледно-лиловое полотно магусовской сердце-сути было уже почти целым, и теперь целительница находилась внутри огромного цветка, чьи лепестки пронизывала едва заметная паутина линий, напоминавших сосуды, заполненные золотистой кровью. Эти линии на глазах утолщались, наливаясь силой, и присутствие наблюдателя, непонятной лишней души, становилось все ощутимее.

Тревога сменилась смертельной усталостью. В реальном мире Эсме уронила руки и застыла; здесь же она просто бросила недоделанную работу, ослепла и оглохла, свернувшись в тугой узел, плотный сгусток чувств, воспоминаний и всего того, что делает человека человеком. Она знала, что сейчас произойдет. Крылан решит, что момент настал, и напоит ее «смолой». Черное зелье вышибет все преграды на пути мощного потока, освобождать который без нужды равносильно самоубийству. Львиная доля ее жизненной энергии перейдет к этому чужаку, к вероломному потомку пришельцев со звезд, который и так мог бы прожить по крайней мере в пять раз дольше обычного человека. После такого нужно несколько месяцев, чтобы восстановиться, но ей и на это рассчитывать не стоит.

Пробудилровка, «кровь мерра» и теперь – «смола».

Это конец.

«Я бы так не сказал».

Эсме вздрогнула, и во тьме перед ее целительским взором опять возник бледно-лиловый цветок, который теперь казался больше прежнего и как будто светился изнутри. Она еще ни разу не разговаривала с кем-то из своих пациентов в сердце-сути, хотя знала, что такое возможно. Тот, кого она исцелила, обладал очень сильной волей, раз сумел не просто почувствовать ее, а заговорить с ней.

«Твое общество мне приятно, однако я бы не хотел, чтобы ты осталась в моей голове навсегда. Тут, как видишь, и без тебя полным-полно серых жильцов».

За одним из лиловых лепестков возникла тень – не серый призрак, а четкий силуэт высокого широкоплечего мужчины. Он галантно поклонился и правой рукой указал куда-то в сторону. Эсме невольно проследила за направлением его жеста и увидела яркий свет.

Ей туда?

«Безусловно. Ты спасла меня – я спасу тебя. Все будет хорошо».

Она полетела к свету, едва расслышав прозвучавшее вслед слово, всего одно:

«Благодарю!»

Потом она наконец-то уснула, и в этот раз сны обошли ее стороной.

[А сейчас тебе на голову свалится потолок.]

Проснулась целительница внезапно, вздрогнув всем телом, и сразу же села, зажмурившись и схватившись руками за голову. К знакомой боли в затылке прибавилась пульсирующая боль в висках – не очень сильная, но как-то по-особенному неприятная. Что-то случилось. Что-то нехорошее произошло, пока она спала...

[К стенам на твоём месте я бы тоже присмотрелся – мало ли что.]

Она не торопилась открывать глаза. Со всех сторон доносились странные звуки – чьи-то неразборчивые голоса, слишком резкие и громкие крики чаек, шуршание, скрип и стук. Да что же это такое? Совсем близко и как будто бы *наверху* кто-то запел чистым высоким голосом. Простенький мотив показался Эсме знакомым, хотя она была совершенно уверена, что никогда раньше не слышала этой песни – по крайней мере, своими собственными ушами.

Слова вспомнились сами собой, сплелись с мелодией и чужим голосом:

Мы там, где звездный свет,
Мы там, где неба нет,
А есть лишь отраженье моря...

Интересно, сколько часов она проспала? Отдохнуть по-настоящему не получилось, но не стоило гневить Заступницу – Светлая Эльга подарила ей жизнь, уберегла от Последнего берега и крабов, пирующих во славу Великого Шторма. Надо снова лечь и попытаться уснуть. Придется беречь силы, потому что ни на одном из Десяти тысяч островов не отыскать человека или магуса, который поможет ей, если случится беда.

Лечь и уснуть. Немедленно.

[Потолок, дурочка.]

Взмывая к облакам,
Доверясь парусам,
Мы выбираем путь, не зная горя!

Таинственные ночные гости исчезли. Она никогда не узнает, кого принес Великий Шторм к ее порогу, как на самом деле зовут Плетельщика, откуда взялся человек-птица с черными крыльями... Впрочем, есть вещи, которых лучше не знать. Ничего страшного, если подозрительная компания удалась, не заплатив за ее услуги ни гроша. Главное, чтобы от посетителей не осталось следов. Лишние неприятности ей ни к чему.

В бездонной глубине,
В прозрачной вышине,
На крыльях серых птиц летают наши души...

Эсме медленно выпрямилась, открыла глаза и ахнула.

[Я предупреждал.]

Она сидела на узкой койке в очень маленькой комнате с деревянными стенами и единственным окошком. Большой сундук рядом с койкой служил, по всей видимости, и столом. На крышке сундука стояла чашка с водой, и Эсме словно завороченная уставилась на нее: вода покачивалась... как и вся комната.

Точнее, каюта.

Целительнице показалось, что потолок стремительно ринулся вниз. Днем раньше на набережной Тейравена она почувствовала едва ли десятую долю от того, что ощутила сей-

час: сквозь стены рыботорабли на нее хлынул бурный поток. В нем перемешались бессвязные обрывки чужих разговоров и столько мыслеобразов, что их сложно было отделить друг от друга. Она не могла закрыться, потому что находилась слишком близко к фрегату. *Внутри* фрегата. Стены каюты подернулись рябью, дерево превратилось в бурую губчатую ткань, весьма неприятную на вид. Поблизости от целительницы в стене появился черный круглый глаз размером с кулак, рядом с ним – другой, а потом глаза начали открываться повсюду.

И все смотрели на нее.

– Пожалуйста, пожалуйста, не надо... – взмолилась Эсме, свалившись с койки и скорчившись на полу.

Она зажмурилась и спрятала лицо в ладонях, но это не помогло. Взгляды по-прежнему пронзали ее насквозь, чей-то голос задавал вопросы на совершенно незнакомом языке. И обладатель голоса, судя по тону, все сильнее злился, что она его не понимает.

– Пожалуйста, я же не хотела сюда попасть, я не хотела...

Что-то полыхнуло во тьме – и голос умолк. Эсме еще какое-то время просидела на полу, боясь пошевелиться, но теперь мыслеобразы рыботорабли старательно обходили ее стороной, и оставалось лишь догадываться, что заставило его изменить поведение. Она убрала руки от лица и осторожно приоткрыла один глаз. Каюта снова стала нормальной. Означало ли это, что фрегат смирился с ее присутствием на борту?..

Эсме встала, пошатываясь, и оглядела себя. Она была в той же одежде, что и вчера, только шарф развязался, и кто-то положил его на подушку, аккуратно сложив вчетверо. Ее руки, накануне испачканные в крови, были чистыми. Девушку принес сюда не враг – по крайней мере, ей хотелось в это верить.

За стеной слышались торопливые шаги.

Эсме почти не удивилась, когда отворилась дверь и на пороге показался голубоглазый парнишка, который приходил к ее дому вместе с недотепой-матросом.

– Вы проснулись! – Он говорил с тем же акцентом, что и крылан. Эсме теперь только поняла, что это северный акцент. Юнга был родом из Облачного края – может, из самой Столицы. – Я сейчас принесу завтрак!

– Подожди! – Эсме протянула руку, и юный незнакомец испуганно отпрянул. – Где я? Что это за место?

Он растерянно заморгал:

– Я... ой... Простите, госпожа! Вы не переживайте, все будет хорошо, но... мне запретили с вами разговаривать... Я сейчас принесу...

– Да оставь ты в покое этот завтрак! – Эсме махнула рукой и задела чашку. Та опрокинулась, расплескав содержимое, покатила к краю и разбилась бы, но юнга проворно ее поймал. Воспользовавшись тем, что парнишка отвлекся, Эсме схватила его за запястье.

В Клятве Эльги была одна часть, которую все целители то и дело нарушали, сами того не желая. Как можно не читать чужих мыслей, если эти мысли почти что бросаются на тебя? Но теперь Эсме целенаправленно рванулась вперед, к сердце-сути юнги, ловя его мыслеобразы. Вот промелькнули знакомые темные крылья... вот неторопливо проплыло красивое художавое лицо мужчины, показавшееся смутно знакомым... а потом неведомая сила подхватила целительницу и вышвырнула вон без лишних церемоний.

Последним, что она увидела, был сполох лилового пламени.

Эсме вскрикнула и зажмурилась – кто-то словно насыпал ей в глаза острого перца. Вот и первое наказание за нарушенную клятву. Она лишь мельком успела увидеть обиженное выражение на лице мальчика, и ей сделалось очень стыдно.

– Мне нужен капитан, – сказала она, с трудом сдерживаясь, чтобы не тереть глаза. – Отведи меня к нему, или пусть он сам придет.

Мальчишка сокрушенно вздохнул и вышел. Ждать пришлось недолго: почти сразу дверь отворилась вновь – и по полу процокали когти. Раздался голос, который она уже слышала накануне:

– Рад, что вы пришли в себя так быстро, но зачем вам понадобилось нападать на юнгу? Кузнечик не сделал ничего плохого.

Тон крылана был любезно-ироничным.

– Передайте юнге, что я прошу прощения, – Эсме с трудом нашла в себе силы ответить спокойно. Вести себя с достоинством непросто, если по щекам льются ручьи слез. – Вся ваша команда состоит из магусов?

Крылан хохотнул:

– Нет, их только двое. Я спросил бы, как вы себя чувствуете, но и так вижу, что... неплохо.

Он умудрился вложить в короткую паузу все свое отношение к ее хамской попытке схватить чужой мыслеобраз. Он, как и юнга, знал, что она сделала. Выходит, чего-то в таком духе от нее и ждали. Эсме начала злиться:

– Почему я здесь? Сколько времени прошло? Может, объясните все-таки, что случилось?

– Как много вопросов. Вам с подробностями или?..

– Или. Пожалуйста, не тяните!

– Хорошо, я попытаюсь объяснить. Вы наверняка догадались, кто мы такие...

– Еще бы я не догадалась, – пробормотала Эсме. – Вот уж не думала, что попаду в одну из тех историй, что рассказывают в тавернах.

– В жизни всякое бывает! – философски заметил крылан. Целительница осторожно приоткрыла один глаз: человек-птица, сгорбившись, сидел на краешке койки, а его крылья, казалось, занимали все оставшееся в каюте место. – Так вот, с того момента, как вы лишились чувств, прошло примерно восемь часов – я, признаться, думал, вы не очнетесь до завтрашнего утра. Цель нашего визита в Тейравен вас вряд ли заинтересует. Скажем так, мы хотели отыскать одного старого знакомого, а встретили совсем другого, и он вовсе не обрадовался встрече. Вместо того чтобы угостить ужином, он решил подать нас на ужин своему пардусу. Результат вы видели, а предыстория...

– Ни в коем случае! – Эсме закрыла уши ладонями, но успела услышать главное: *пардус*. Ей не показалось. Тот, кого она вчера исцелила, действительно пострадал от лап и клыков большого зверя. И она, конечно, знала, что только один житель Тейравена держит дома пардусов. – Подобные предыстории укорачивают жизнь. Объясните лучше, что случилось после того, как я потеряла сознание.

– Пожалуйста. – Человек-птица одновременно пожал плечами и слегка дернул крылом. – Как раз в тот момент нагрянули слуги нашего знакомого, которые следовали за нами от самого его дома с приказом довершить начатое. Мы, конечно, сопротивлялись... э-э... в общем, так вышло, что...

– Короче!

– Нам пришлось спасаться бегством, а вас мы забрали с собой! – выпалил крылан. – Искусай меня медуза, какая несносная женщина! Вместо того чтобы сказать: «Спасибо! Вы спасли мою жизнь! Как благородно!» – она пристает с расспросами. Надо было тебя там оставить, да? В доме, который прихвостни Эйдела вместе с палеными ребятами из крепости подожгли, пытаюсь отрезать нам пути к отступлению?

У Эсме голова пошла кругом. В одно мгновение ее жизнь круто изменилась: она потеряла дом, книги, снадобья – все наследство Велина. Проклятье, да ведь она лишилась своего доброго имени и не сумеет вернуться в родной город! Она утратила все, что могло обеспечить мало-мальски достойную жизнь, и оказалась вместе с бандитами посреди океана.

– Да, капитан, надо было... – прошептала целительница.

Крылан сокрушенно вздохнул.

– Ну вот, теперь она считает меня капитаном, – сказал он, словно разговаривая со стеной. – Я раньше думал, целители все понимают без слов.

Смысл сказанного дошел до Эсме не сразу. Девушка уставилась на крылана покрасневшими глазами и тихо спросила:

– А кто же капитан этого фрегата?

Человек-птица улыбнулся.

Дверь капитанской каюты закрылась за ее спиной.

Эсме замерла и несколько раз моргнула. Все вокруг казалось зыбким и нечетким, как будто комнату затянуло дымом или туманом... или, может, попытка прочесть мыслеобразы Кузнечика повредила ее глаза? Такое случалось с неосторожными целителями. Она приказала себе успокоиться. Наверное, причина всему – страх.

Она перевела дух и огляделась.

Узкая койка – почти такая же, как в той каюте, куда ее поместили, – стояла по правую руку, а по левую виднелись два больших сундука и стол. На столе возвышался ворох полусвернутых карт, рядом лежали письменные принадлежности и лист бумаги. Посмотрев на чернильницу, Эсме вдруг подумала: как же хозяин каюты не боится, что она перевернется и чернила разольются по столу? Ей хотелось думать о чем угодно – только не о том, что вчера она спасла не просто магуса, а капитана пиратского корабля, – словом, навлекла на свою голову очень серьезные неприятности.

Как будто спасение паршивой шкуры небожителя – само по себе не серьезная неприятность.

– Так и будете стоять у порога?

У того, кто сидел за письменным столом, был красивый, хотя и резковатый голос. Капитан привык командовать, привык получать все, что хочется. Привык, что его понимают без слов.

– Ну же, я не эльгинит, а вы не провинившаяся школьница. Здесь вам рады, не надо бояться. Смущаться тоже не стоит. Прошу, подойдите ближе.

Эсме поняла, что и впрямь выглядит глупо, но стоило ей сделать шаг, как пол под ногами прогнулся, словно был сделан из теста. Она потеряла равновесие и начала падать, однако магус в мгновение ока очутился рядом и придержал ее за локоть с удивительной деликатностью. Целительнице даже показалось, что он сам ее боится... Хотя ему и впрямь полагалось бояться, поскольку он знал о правиле трех шагов и понимал, что она может сейчас ненароком разведать какой-нибудь важный секрет.

Осмелев, она подняла глаза.

Его длинные темные волосы были теперь гладко причесаны и собраны в хвост. Капитан тщательно побрился и оделся во все новое – не сравнить с потрепанным морем и ветром навигаторами, что встречались ей у Старого Пью или заходили иной раз к Велину. Загорелое худое лицо с тонкими чертами; красивые губы чуть изгибаются в улыбке... Он был весьма хорош собой, и его не портил даже шрам на правой щеке, длинный и свежий. *Очень свежий.*

У Эсме упало сердце.

– Я недоделала работу... – прошептала она, кончиками пальцев прикоснувшись к губам. – Простите... я не нарочно, клянусь добрым именем Эльги, просто...

Он непонимающе уставился на нее:

– О чем это вы?

– Ваше лицо, – сказала Эсме, краснея и чувствуя, что сейчас умрет от стыда.

Магус, до сих пор державший ее за локоть, отстранился и растерянно моргнул.

А потом, рассмеявшись, продемонстрировал ей правую руку – страшные раны исчезли без следа.

– Рука при мне, и все пальцы на месте, – сказал он беззаботным тоном. – Забудьте про эту царапину, и давайте обсудим, как вознаградить вас за работу и все неудобства, что мы – вольно или невольно – вам причинили.

Эсме не смогла сдержать улыбку. Туман перед ее глазами постепенно рассеивался, зато снова загудели от боли виски. По крайней мере теперь она видела всю обстановку отчетливо: несколько табуретов возле стола, книжные полки, картины на стене и множество других мелочей. Здесь было довольно уютно, и хозяин фрегата делал все, чтобы она забыла, где находится.

– Итак, по порядку. – Капитан усадил целительницу на табурет, а сам уселся на свое прежнее место, спиной к иллюминатору. Их разделял широкий стол. Не три шага, конечно, однако Эсме почему-то не чувствовала ни одного постороннего мыслеобраза. – Для начала я хочу принести извинения за то, что стал причиной разрушения вашего дома и вынужденного бегства из Тейравена. Но, смею заверить, единственное, что я мог в той обстановке, – похитить вас, ведь иначе вся округа решила бы, что вы сотрудничаете с пиратами.

– Сдается мне, теперь-то в этом никто не сомневается. – Эсме вздохнула. – Не думала, что меня во второй раз обвинят в подобном... И куда мне теперь податься, капитан?

– Вот об этом я и хотел поговорить, – сказал магус. – Мое предложение таково: чтобы хоть как-то загладить вину, я предлагаю вам выбрать любой портовый город, где мы вас высадим и поможем устроиться. Надо хорошенько обдумать историю, которую мы там расскажем и которой вы должны будете придерживаться, но, так или иначе, я обещаю возместить вам все утраченное. Включая дом и то, что в нем было. Одним словом, вы помогли мне, и я не останусь в долгу – куплю вам новую жизнь.

Она хмыкнула:

– Есть вещь, которую вы не сумеете купить, даже если очень захотите.

– В самом деле? – Он вскинул бровь. – И что же это за вещь такая? Ваше доброе имя? Вы очень молоды и не знаете, какие чудеса творят с именами деньги – они могут запачкать или очистить что угодно. Проще всего, конечно, купить новое имя.

– Нет, я не об этом, – сказала Эсме. Его слова звучали так привлекательно, что она и впрямь на мгновение забыла, где находится и с кем разговаривает. – Я о сундуке с зельями. Такой есть у каждого целителя, и получить новый можно только в Гильдии. Боюсь, какую бы историю вы ни придумали, там ее проверят, и начнутся... – Она осеклась. – Погодите, капитан. Вы сказали, я могу выбрать *любой* портовый город?

Он кивнул.

– Но... разве пират может спокойно заходить в порты Империи?

Магус коротко рассмеялся:

– В Тейравенскую гавань мы же как-то вошли?

– Да-да, – растерянно согласилась Эсме. – Кстати, вы не назвали своего имени.

Он покачал головой:

– Нет, придется обойтись без имен. Вы не будете знать, кто я такой и чем занимаюсь, и тогда вам не придется лгать и изощряться в ответ на прямой вопрос, если и впрямь дела пойдут не очень гладко и вами заинтересуются чайки. Впрочем, даже в этом случае бояться не надо. Чем скорее они убедятся в вашей бесполезности, тем скорее отпустят. Целительницу никто не посмеет обидеть, если от этого не будет никакого толка, а его не будет до тех пор, пока вы не понимаете, где находитесь и кто я такой.

– Но чайка может вытянуть из меня ваше лицо, – робко возразила Эсме, на что магус лишь беззаботно заметил, что возможности семейства Лар сильно преувеличивают. Она не смогла подыскать нужные слова и промолчала, но по ее напряженности капитан все понял сам.

– Вы мне не верите, – констатировал он. – А-а, понял. Вы хотели узнать мое имя, чтобы убедиться, что я не один из тех, о ком рассказывают страшные истории в тавернах.

Эсме покраснела. Магусу сполна хватило обычной проницательности, чтобы прочитать ее мысли.

Или он и сам чайка?

– Не могу успокоить, – сказал пират, и в его голосе проскользнули нотки бахвальства. – Обо мне ходят жуткие слухи, и кое-что даже правда. Но вам, Эсме, ничто не угрожает. Я даю честное слово, все обещания будут выполнены. Верите?

А он настойчив, этот безымянный капитан...

– Верю.

– Вот и прекрасно! – Магус вскочил. – Теперь, полагаю, вам надо отдохнуть. Вечером мы поужинаем, а потом выберем город, где вы будете жить. Я, кстати, распорядился, чтобы завтрак... точнее, уже обед... в общем, чтобы вам принесли еду в каюту. Фрегат больше вас не потревожит, я за этим прослежу.

Она недолго поколебалась, а потом сказала:

– Капитан, у меня есть еще один вопрос. Ваш юнга и еще один матрос... они приходили ко мне и спрашивали о Велине, моем учителе. Они хотели передать ему послание от кого-то.

– От меня, – сказал магус и нахмурился. – Да, мы с Велином знакомы. Много лет назад наши пути разошлись, и я хотел убедиться, что... буду в его доме желанным гостем.

Что-то недосказанное повисло в воздухе. Эсме по-настоящему пожалела, что не в состоянии прочитывать хоть какой-нибудь из его мыслеобразов. До чего предусмотрителен этот моряк, как изящно он закрылся от целительницы именно в тот момент, когда мог бы невольно выдать одну из своих многочисленных тайн... И все-таки даже без помощи мыслеобразов она поняла: он умолчал о чем-то важном. Это была та самая полуправда, что хуже любого вранья.

Она могла задать вопрос, который вертелся на языке, но решила, что не хочет знать ответ, раз уж через некоторое время они расстанутся, чтобы больше не встречаться.

– Велин не рассказывал мне о своем прошлом, – проговорила она с нескрываемой грустью, и магус слегка вздрогнул. – Но я почему-то думаю, что он бы с радостью повидался со старым другом. Вы опоздали на пять дней.

– Скорее, на целую вечность, – ответил пират странно изменившимся голосом и потер переносицу. Помолчав несколько секунд, он махнул рукой и заговорил прежним беззаботным тоном: – Ну, решено! Отдыхайте, а потом мы встретимся и все-все обсудим.

Он проводил ее до порога, и неожиданно для себя Эсме сказала:

– Я... меня все равно мучает совесть из-за вашего лица. Если бы не раненые гроганы, я бы...

– Ох уж эта профессиональная гордость! Я так и понял, что вы к тому времени уже очень устали. К тому же смерть учителя... Мне не надо объяснять, какая это потеря... – Он осекся. – Раненые гроганы, говорите? И много их было?

– Сначала трое, потом еще пятеро. Мне сказали, какой-то фрегат сошел с ума и задавил их...

Моряк мгновенно посуровел, и она замолчала. Он перевел взгляд на дверь – та распахнулась.

За порогом стоял крылан.

– Ты, конечно, собирался мне об этом рассказать?

Человек-птица приподнял и без того круто изогнутую бровь:

– А как же.

– Вижу, ты не спешил. – Магус нахмурился. – Так какой фрегат *сошел с ума*?

– «Морская звезда», – ответил крылан. – Там случилось что-то странное. Насколько я понял, среди груза каким-то образом оказался бочонок со звездным огнем. Один из гроганов его нашел по запаху и открыл, после чего всё и... э-э... Капитан, нашей гостье не мешало бы отдохнуть.

Они посмотрели друг на друга. А затем Эсме со всей возможной любезностью препроводили обратно в каюту, которой на ближайшие несколько дней предстояло сделаться ее домом. Или, возможно, тюрьмой.

Кок постарался на свой лад угодить целительнице, которая помогла его капитану: в глиняной миске лежал кусок мяса, которого хватило бы на троих. Рядом стояла чашка с мутноватым горячим напитком. Эсме втянула носом воздух – пахло травами – и с опаской сделала небольшой глоток. Это в самом деле оказался травяной чай, от которого ее напряженные мышцы тотчас же расслабились, а возобновившаяся головная боль утихла.

Такой же чай готовил Велин. Надо же, как странно все сложилось...

– Выходит, ты его знал, – сказала она вслух. На противоположной стене с противным влажным звуком открылся глаз, круглый и черный. К счастью, только один. Эсме с трудом подавила отвращение. – Можешь не беспокоиться, он никогда о тебе не говорил, и я даже не знаю твоего названия... точнее, имени. Мне вообще ничего не известно о вашем общем прошлом. Твои секреты в безопасности.

Глаз внимательно смотрел на нее.

– С ума сойти, я разговариваю с кораблем, – пробормотала Эсме и почувствовала, что краснеет. – С кораблем, который полчаса назад чуть не переварил меня. Шторм знает что...

Глаз моргнул, и Эсме вдруг поняла сразу две вещи. Во-первых, жутковатый взгляд со всех сторон, который она испытала на себе совсем недавно, был очень похож на взгляд наблюдателя в сердце-сути безымянного капитана. Она почувствовала связь между навигатором и фрегатом; выходит, эта связь соединяла их души. О таком не писали в книгах, и Велин ей ничего похожего не рассказывал. Во-вторых, смотреть фрегату в единственный черный глаз оказалось намного удобнее, чем ощущать его пристальное внимание всей кожей, всеми костями, каждым лепестком собственной сердце-сути. Хотя сам по себе глаз выглядел омерзительно.

Может, это существо не было настроено столь враждебно, как ей показалось?

Кто-то поскребся в дверь.

– Войдите, – сказала Эсме и поставила чашку на «стол».

Глаз еще раз моргнул и исчез с тем же звуком. Целительница опять почувствовала взгляд корабля всем телом, как будто воздух сделался тяжелее и начал давить на нее. Даже если фрегат не хотел причинить ей вред, несколько дней в этой каюте обещали стать непростым испытанием.

Дверь отворилась, и Эсме сначала увидела юнгу, а потом – нескладного матроса, который приходил вместе с юным Кузнечиком к ее дому. Оба выглядели донельзя смущенными.

– Капитан приставил нас к вам, – сообщил матрос, не двигаясь с места. – Он велел вас развлечь и объяснить, что вы тут не пленница, а почетная гостья, пусть и с некоторыми... ограничениями. В общем, мы пришли, чтобы развеять вашу скуку.

Эсме вовсе не скучала и не была уверена, что нуждается в компании, – хватало и того, что в тесной каюте эти двое оказались бы достаточно близко, чтобы она ощутила их мыслеобразы и узнала то, чего не желала знать. Но она все же не стала их прогонять, пусть даже из чистой вежливости.

А еще из-за чувства вины.

– Вчера я была с вами резка, – признала она и вынудила себя не отводить взгляд в сторону. – Простите. Я еще не привыкла к тому, что Велина нет. И вообще... вчерашний день не задался с самого утра.

– Я бы так не сказал, – мягко возразил матрос, входя. В его движениях было что-то от сломанной куклы, он словно не вполне владел своим телом. Может, он перенес какую-то болезнь? Она знала несколько недугов, оставлявших такие последствия. – Вчера вы спасли нашего капитана, и не только его.

Он сел на пол, а юнга устроился на самом краешке ее койки. Оба явно были осведомлены о правиле трех шагов и старались держаться так далеко, как только могли. Пока она не чувствовала их мыслеобразов и надеялась, что и не почувствует.

– Еще я бы хотела... – Она чуть помедлила, глядя на открытое симпатичное лицо Кузнечика и вспоминая бледно-лиловый цветок его души. – Я бы хотела попросить прощения за то, что попыталась прочесть твои мысли. Я ничего не увидела, честное слово.

Он вздохнул, не скрывая облегчения.

«Наверное, на всех пиратских кораблях так, – подумала Эсме, ощущая легкую горечь. – У каждого есть свой секрет, даже у юнги».

– Ничего страшного, – тихо сказал парнишка. – Я не в обиде.

Может быть, он приходился капитану родственником? Нет, вряд ли. У них не было ничего общего, не считая высокого роста, но почти все магусы довольно высоки. Юнге, с его светлой от природы кожей, не шел загар; русые волосы сильно выгорели на солнце, глаза напоминали небо в погожий день. Кто он такой? Из какого семейства? Как попал на пиратский фрегат?

Вопросы, вопросы...

– Меня зовут Сандер, – сказал матрос и прибавил, заметив ее удивление: – Мое имя – не тайна, я слишком мелкая сошка, чтобы заинтересовать цепных акул. Честно говоря, от меня на борту вообще толку мало, одни только проблемы.

– Не говори глупостей, – юнга легонько ткнул товарища кулаком в плечо. – На фрегате нет лишних – нас всех выбрал капитан, и мы все ему для чего-то нужны. Ты это знаешь не хуже меня.

Сандер не ответил, но Эсме показалось, что слова Кузнечика вызвали в нем всплеск грусти, а не воодушевления. Еще один секрет, еще один вопрос без ответа. Но, в самом деле, для чего капитану мог понадобиться такой неуклюжий матрос? Вряд ли для того, чтобы развлекать случайных пассажиров.

– Можно мне выйти на па...

Она еще не успела договорить, а Кузнечик уже воскликнул:

– Нет!

Его старший товарищ с виноватым видом покачал головой:

– Капитан сказал, что вы должны оставаться в каюте.

– Пока мы не прибудем в какой-нибудь порт?

Сандер кивнул и прибавил:

– За исключением тех случаев, когда он сам вас позовет.

– Понятно, – пробормотала Эсме, нахмурившись. – Выходит, это все-таки тюрьма.

– Нет, что вы! – Матрос всплеснул руками. – Это ради вашего же блага! Понимаете, некоторые фрегаты очень не любят... пассажиров. Я хочу сказать, особ женского пола. Они волнуются.

– Сандер хочет сказать, – встрял юнга, пряча улыбку, – что фрегат – не «он», а «она». Со всеми вытекающими последствиями.

Сандер устремил на Кузнечика пристальный взгляд и покачал головой: дескать, нашелся знаток по женской части. Мальчик покраснел.

– То есть, – растерянно переспросила Эсме, – она... *ревнует*?

Резкая боль, тотчас же пронзившая висок, вынудила ее охнуть и зажмуриться.

– Вот об этом я и говорил, – сказал Сандер. – Вам лучше сидеть тихо, и все будет хорошо.

«От нее нельзя скрыться, – подумала Эсме, потирая лоб. От страха ее прошиб холодный пот. – В открытом море мы с ней наедине друг с другом, как целитель и пациент в сердце-сути. Она видит меня насквозь и может сделать со мной... что угодно. И не только со мной. Как же они не боятся, что однажды ей взбредет на ум перекусить своей командой?»

Задавать этот вопрос она не стала, а предложила сменить тему, и оба собеседника с радостью согласились. Сандер сунул руку за пазуху и вытащил нечто странное – семь тонких трубочек разной длины, соединенных между собой. Эсме поняла, что это музыкальный инструмент, но ничего подобного ей раньше видеть не приходилось.

– Ты музыкант? – спросила она, невольно подавшись вперед.

По лицу Сандера пробежала тень, и, недолго поколебавшись, он произнес изменившимся голосом:

– В большей степени, чем матрос или кто-то еще.

Не дав Эсме опомниться, он заиграл.

Мы там, где звездный свет,
Мы там, где неба нет...

Слова вспомнились легко, но пела Эсме лишь в мыслях. Она неожиданно ощутила, как где-то в глубине памяти пробуждается старое-старое воспоминание – ворочается, точно донная рыбина. Целительница редко бывала на представлениях заезжих актеров, но моряцкие песни знала наизусть из-за мыслеобразов своих пациентов: в голове у моряка что ни мысль, то песня, и чаще всего – непристойная.

Но эта песня была необычной.

Взмывая к облакам,
Доверясь парусам,
Мы выбираем путь, не зная горя...

Сандер преобразился, его смешная неуклюжесть куда-то исчезла. Он играл с закрытыми глазами и весь самозабвенно отдавался музыке.

В бездонной глубине,
В прозрачной вышине
На крыльях серых птиц летают наши души...

Мелодия вилась вокруг них – живая, свободная и жестокая. Эсме не знала, отчего Сандер выбрал именно эту песню, но ей внезапно сделалось страшно. Она отчетливо ощутила, что за бортом живого корабля дышит океан, опасный и равнодушный, а взгляд фрегата вновь стал пристальным и начал давить сильнее, чем раньше.

«Чего ты хочешь?»

Корабль не ответил.

Музыка смолкла, и целительница украдкой вытерла глаза.

– Благодарю, – сказала она. – Это было прекрасно.

– Я не собирался вас так расстраивать. – Матрос виновато вздохнул и укоризненно посмотрел на младшего товарища: – Что же ты? Забыл слова?

– Замечтался, прости. – Парнишка и впрямь выглядел так, словно на некоторое время его душа воспарила за облака и оттуда взирала на океан. – Давай еще раз...

Не договорив, он вскочил и выбежал из каюты.

– Простите. – Сандер торопливо спрятал сирринг. – Нас зовут, мы нужны наверху. Я вернусь, как только смогу.

Оба исчезли так быстро, что Эсме даже не успела ничего сказать.

«Мы там, где звездный свет...»

Музыка все еще билась пойманной птицей о стены каюты. Эсме недоумевала: отчего ей стало так страшно, когда зазвучал этот простой и милый, в общем-то, мотив? В этом тоже крылась какая-то тайна, и девушка невольно задалась вопросом: есть ли на борту фрегата хоть что-то простое и понятное, без тайн и секретов?

«Мы там, где неба нет...»

Эсме закрыла глаза...

...а потом открыла и обнаружила, что находится уже не в каюте.

Легкий ветерок взъерошил ей волосы. Эсме зажмурилась – солнечный свет казался ослепительно ярким – и подставила лицо ветру. Здесь, на открытом воздухе, она едва замечала давление фрегата. Целительница почувствовала спокойствие, которого обычно достигала лишь во время медитации.

– Моя госпожа! – воскликнул знакомый голос. – Но вы же обещали не выходить!

– Я уже вышла, Кузнечик, – ответила Эсме, решив не сообщать юнге, что несколько минут выпали из ее памяти, – такое не случилось бы без помощи фрегата. Почему? Если они с Сандером сказали правду, то особой причины могло и не быть – хватало желания напако- стить. – Там... душно. Я не пленница на вашем корабле и буду делать что хочу.

Мальчишка сокрушенно вздохнул.

– Кто тут у нас?

В новом голосе – очень низком, гулком – ощущалось что-то странное. Тень заслонила солнце; Эсме приоткрыла глаза. Над ее головой на фоне синего неба виднелись наполненные ветром белоснежные паруса; где-то высоко перекрикивались матросы и пронзительно кричала птица.

А прямо перед ней стоял огромный, длиннорукий и косматый гроган.

Целительница растерянно моргнула, но видение не исчезло. Гроган был таким большим, что самый высокий из докеров, которых она исцелила накануне, едва ли достал бы ему до плеча. Красные глаза под выступающими надбровьями глядели на нее очень внимательно, крылья сплюсненного носа дергались, когда он втягивал воздух, а широкие губы приподнимались, обнажая внушительные клыки.

Эсме затаила дыхание.

– Капитан сказал – пусть будет, – пробурчал гигант, обращаясь к самому себе. – Капитан сказал – надо. Но разговаривать нельзя. И выходить нельзя. Плохо! Ну плохо же!

Он посмотрел вверх и нахмурился, а потом устремил взгляд куда-то за спину Эсме. Она обернулась не сразу и успела услышать, как позади шуршат крылья. Кузнечик ойкнул и исчез, не желая навлекать на себя гнев человека-птицы – пусть и не капитана, но определенно не простого матроса.

– Я тоже считаю, что плохо, – сказал крылан. – Но уже поздно.

«Отчего поздно?» – хотела спросить Эсме и вдруг заметила, что свет солнца как-то странно потускнел. Гроган опять посмотрел вверх, и она невольно сделала то же самое.

Белые паруса фрегата постепенно наливались зеленью – сначала они стали цвета молодой листвы, потом начали темнеть. Эсме затаила дыхание. Зеленый цвет делался все гуще и ярче, пока паруса не приобрели глубокий изумрудный оттенок и как будто засияли изнутри.

– Поздно, – повторил крылан. – Ладно, я полетел...

Он разбежался и прыгнул за борт, а потом взмыл в небеса, раскинув огромные крылья. Гроган ушел, переваливаясь и продолжая что-то бормотать себе под нос. Эсме ощутила, что по меньшей мере двадцать человек выжидающе смотрят на нее. Она залилась краской и спрятала лицо в ладонях.

Кто-то подошел к ней и встал рядом.

– Эльга-Заступница... – прошептала девушка. Теперь она вспомнила, что прочла на листке, приколотом к стене таверны. Рассказы, подслушанные там же, всплыли в памяти, но было и впрямь поздно что-то менять. – Не стоило мне выходить из каюты...

Позади раздался вздох.

– Очень правильный вывод, – негромко сказал капитан. – И такой своевременный. Что ж, давайте я представлюсь. Кристоаль Крейн, к вашим услугам.

– Пират, чью голову оценили в шесть тысяч империалов, – тихо проговорила Эсме. – Капитан фрегата с зелеными парусами, носящего имя «Невеста ветра». Вот угодило меня...

Она глубоко вздохнула и отняла руки от лица.

Набросок на стене «Водяной лошадки» был совершенно не похож на оригинал. К тому же у магуса были удивительные разноцветные глаза: зеленый левый и синий правый. «Глаза зеленые или голубые... Особых примет нет». Теперь-то Эсме поняла, отчего он усадил ее лицом к иллюминатору: из-за того, что свет падал ему в спину, она не разглядела эту, как ни крути, особую примету, о которой наверняка знали если не в Тейравене, то в других портах.

«Я все испортила».

Капитан Крейн насмешливо улыбнулся.

– Не бойтесь, – сказал он, словно прочитав ее тревожные мысли. – Ничего не изменилось... почти ничего. Я все сделаю, как обещал, – вот только разберусь с одной проблемой.

– Это... – Она посмотрела вверх и залюбовалась изумрудно-зелеными парусами. Слова ускользали, в голове была гулкая пустота. Страх сменился растерянностью. – Это невероятно. Я не знала, что фрегаты вообще умеют менять цвет парусов...

– Строго говоря, обычные фрегаты этого и не умеют, – сказал магус. – ~Невеста ветра~ необычная.

Имя своего корабля он произнес как-то странно.

– Наше соглашение в силе, – продолжил Крейн. – Вы не узнали ничего такого, что могло бы всерьез навредить мне. Однако сейчас вам следует спуститься в каюту и оставаться там до тех пор, пока я не позову.

На этот раз приказ не был замаскирован под вежливую просьбу.

Когда дверь каюты закрылась за спиной Эсме, целительница некоторое время стояла и смотрела в пустоту, прислушиваясь к своим ощущениям. Взгляд фрегата снова сделался очень слабым – возможно, это капитан приструнил «Невесту ветра», заставил ее сосредоточиться на других вещах. На том, что ждало их впереди, – а Эсме уже не сомневалась, что предстоит сражение, иначе зачем магус так усердно выпроваживал ее с палубы? Что ж, на пиратском корабле должен быть собственный целитель. Вчера, наверное, они просто побоялись, что капитан умрет раньше, чем его донесут до «Невесты ветра».

У нее опять заболел затылок...

[Здесь тебе не место. Ты не справишься с таким количеством мыслеобразов, ты в нем утонешь, как в океане. Молись Эльге, чтобы этот пират сдержал слово и отпустил тебя в следующем порту. А куда девать его тайны, ты отлично знаешь.]

Прогнав знакомый неразборчивый шепот словно назойливую муху, она присела на край сундука – интересно, что внутри? – и закрыла глаза. Тело Эсме привыкло к качке. Сейчас, когда на стенах каюты не открывались глаза и воздух стал просто воздухом, а не густым и тяжелым киселем, на борту фрегата было бы даже приятно, если бы не смутное ощущение, что какая-то ее часть по-прежнему на палубе.

А потом, расслабившись, она ощутила фрегат *полностью* – от увенчанного тараном носа до высокой кормы, от киля до верхушки средней мачты. В корпус и паруса вросла пульсирующая золотистая сеть, которую невозможно было увидеть обычным зрением. В трех местах – ближе к носу, глубоко в трюме и где-то на палубе – в этой сети имелись плотные узлы, похожие

на три маленьких солнца. Последнее солнце двигалось. Эсме почувствовала жесткий скелет, броневые пластины и прижатые к бортам зазубренные крючья, изменчивую лжеплоть, расположение всех органов и полостей – как тех, что предназначались для обитания двуногих существ, так и тех, что были нужны самому кораблю для каких-то загадочных целей. Она взглянула на мир его глазами, втянула воду сквозь его пасть и глотку, ощутила его настоящий желудок, в котором переваривалась рыба, и его брюхо, в котором прятались шесть маленьких лодок. Теперь она знала, что три резервуара в трюме заполнены чистой пресной водой; Плетельщик узлов не солгал вчера в таверне, когда сказал, что на «Невесте ветра» есть опреснитель. Знала она и то, что на борту сорок шесть живых душ, считая двух магусов, одного крылана, одного грогана и одну пассажирку.

Ветер нес их обеих – ее и «Невесту» – вперед, наполняя изумрудные паруса.

– Зачем ты мне это показываешь? – тихо спросила Эсме и не услышала ответа.

Время текло словно вода. Она смотрела на небо глазами фрегата и только по движению солнца понимала, что прошли часы, а не минуты. Ей было хорошо. Они шли обратно к Тейравену, почти что летели на крыльях попутного ветра, и это имело какое-то отношение к безумевшему фрегату, «Морской звезде». Эсме оставалось лишь теряться в догадках – до этого дня ее познания о рыбокораблях были весьма скудными, а «Невеста ветра» могла только показывать, но не объяснять.

К тому моменту, когда на горизонте показались смутные очертания трех фрегатов, сцепленных друг с другом, Эсме уже почти забыла о себе и воспринимала мир таким, каким он представлялся «Невесте ветра».

[Добром это не кончится, вот увидишь.]

Первый сторожевой фрегат отцепился от «Морской звезды» и двинулся навстречу пиратскому кораблю, однако его команда оказалась недостаточно быстрой, и стрелометы «Невесты ветра» сработали первыми. Ответный залп сторожевика не достиг цели, потому что пиратский фрегат резко сложил часть парусов и повернул, уходя из-под обстрела с головокружительной скоростью.

Дальше все происходило столь же *головокружительно*.

«Невеста ветра» вышла с наветренной стороны, когда сторожевой фрегат еще не успел закончить свой маневр, и на полном ходу ударила его тараном в корму. Оглушительный вопль боли заставил Эсме прийти в себя, но до конца они с «Невестой ветра» не разделились, и девушка продолжила воспринимать происходящее теми органами чувств, что на самом деле принадлежали рыбокораблю. Паруса сторожевого фрегата опали, он закрыл свои огромные глаза и застыл на месте. Теперь его команде оставалось лишь ждать, пока пират возьмет судно на абордаж.

Однако это не входило в планы Крейна. «Невеста ветра» ринулась вперед, к замершим неподалеку кораблям, по-прежнему сцепленным друг с другом. Один из них выглядел как-то странно. Корпус «Невесты» сотрясла дрожь, и она мгновенно ошетичилась острейшими иглами, словно превратившись в огромного морского ежа. Приблизившись ко второму сторожевику, соединенному с «Морской звездой» точно такими же крючьями, «Невеста» вцепилась ему в другой борт – и три корабля стали единым целым. Начался бой.

И лишь тогда Эсме поняла, что среди сорока шести живых душ на борту «Невесты ветра» только она одна обладает целительским даром. Чудовищная, самоубийственная глупость. Наверняка кто-нибудь из членов команды умеет останавливать кровь и перевязывать раны, но как же эти люди занимаются столь рискованным делом, не заручившись помощью настоящего врача, служителя Эльги?

Оцепенев, она наблюдала за битвой и вздрагивала каждый раз, когда чью-то плоть рассекала абордажная сабля. От бессилия ей хотелось кричать. Она ощущала всех людей, находив-

шихся на борту «Невесты ветра», и не делала различий между своими и чужими. Она почувствовала и Эйдела Аквилу, когда тот перешел на борт пиратского корабля, держа в правой руке саблю, а в левой – что-то непонятное, какой-то сгусток тьмы. Эсме испугалась, не сразу сообразив, что это не ее страх, а *фрегата*.

– Крейн! – заорал наместник, размахивая странным предметом. – Я давно мечтал опробовать безумер на твоей красавице!

Капитан «Невесты» вместо ответа насмешливо поклонился – и Эйдел бросился в атаку. Два магуса двигались так быстро, что превратились в размытые тени.

Битва продлилась совсем недолго.

– Давно мечтал увидеть лорда Эйдела Аквилу на коленях, – произнес пират в полной тишине, насмешливо копируя интонации наместника. Тот и впрямь стоял на коленях, вытирая кровь с рассеченной щеки. Его держали на прицеле двое матросов с арбалетами. – Было бы грешно не воспользоваться таким шансом! Всем бросить оружие! – Голос Крейна раскатился над фрегатами, и не нашлось никого, кто бы послушался. – Господин наместник, попрошу отдать мне безумер. Обещаю, после этого мы расстанемся без дальнейшего кровопролития. В ваших интересах не сопротивляться.

Эйдел медлил. Похоже, тьма в его руке и была тем самым *безумером*, который страшил «Невесту ветра» до такой степени, что воспринимался ею как бесформенное черное нечто.

– Я должен поверить? – севшим голосом спросил наместник. – Я слишком много знаю о тебе, пират.

– Вы не обязаны верить, – просто ответил Крейн. – А я не обязан сохранять вам жизнь, но именно это собираюсь сделать.

– Еще один вопрос, – Эйдел улыбнулся, но улыбка вышла кривой. – Зачем тебе это нужно? Ты ведь знаешь, что произойдет в скором времени с «Морской звездой». Дай нам закончить начатое...

– Передайте мне безумер, господин наместник, – перебил Крейн. – Я не буду ничего объяснять.

– Ну ладно. – Эйдел пожал плечами. – Пожалуйста!

Его левая рука, до этого безвольно опущенная вдоль тела, взметнулась, раздался громкий щелчок – и бесформенное черное нечто полетело в сторону Крейна. Оно бы попало в цель, но тень, метнувшаяся к капитану, приняла удар на себя и упала на палубу, корчась от боли. Кроме самого Крейна, на борту «Невесты ветра» был еще кое-кто, способный двигаться с нечеловеческой скоростью.

Эсме в это время уже бежала наверх, не разбирая дороги.

Оказавшись на палубе, она бросилась к Кузнечнику. У него в горле торчала странная штука – ковина из черного металла, похожая на небольшое копье с зазубренным наконечником, из которого выдвинулись четыре растопыренные «лапы». Из раны толчками выходила кровь, и вокруг юнги натекла уже целая лужа. Обычного человека в такой ситуации не спас бы ни один целитель, но этот мальчик был магусом. Хотя его глаза уже закатились, все-таки оставалась слабая надежда. Очень-очень слабая надежда.

– Вытащите его! – крикнула Эсме, прижимая пальцы к краям страшной раны. Кто-то выполнил ее приказ, и крови тотчас же стало еще больше. Прогоняя панику, она глубоко вздохнула, моргнула несколько раз и погрузилась в сердце-суть.

Цветок во тьме выглядел совсем не таким, как несколько часов назад. Почти треть его лепестков почернела и от легчайшего прикосновения ее эфемерных пальцев норовила рассыпаться в пыль, а оставшиеся на глазах темнели, увядали. Обнажился самый центр цветка – там, под куполом из плотно сомкнутых полупрозрачных листьев, виднелось человеческое

тело, лежавшее на боку, с притянутыми к подбородку коленями. Он спал, и, если ее отчаянная попытка не увенчается успехом, должен был уснуть навсегда.

Она протянула к цветку пальцы-иглы и замерла в нерешительности.

Здесь нечего было шить.

[Его час настал. Кому-то суждено прожить долгую жизнь, а кто-то даже не успевает понять, что это такое – жизнь. Да, он милый мальчик, и ты почти забыла, что его соплеменник погубил твою семью. Отступись. Тебя не просили о помощи. Не трать силы зря.]

«Нет-нет-нет. Я так просто не сдамся».

Она потянулась к ближайшему лепестку, отсекла почерневшую часть одним движением пальца, на этот раз превратившегося в скальпель, а потом быстро соединила края. Лист на мгновение ожил, наполнился внутренним светом, но тотчас же погас, и чернота вновь появилась у самого его основания. Борясь с паникой, Эсме метнулась к другому лепестку, однако там повторилось то же самое. Бледно-лиловая ткань расплзалась у нее в пальцах, превращаясь то в труху, то в бурю слизи. В цветке не было жизни, он умирал.

В полной тишине Эсме услышала свое хриплое дыхание и почувствовала, как колотится сердце в груди. Еще чуть-чуть – и она вывалится обратно в реальный мир. Если это случится, юнгу не спасет даже сама Эльга-Заступница.

[Ты не выпила ни одного зелья. Ты сейчас умираешь вместе с ним.]

«Все мы – лишь цветы во мраке. Мы вышли из пустоты и уйдем в пустоту. Без нас она лишена смысла и красоты, поэтому пусть будет много цветов и пусть будут те, кто всегда и любой ценой сумеет их защитить».

Она протянула руки к тому месту, где еще недавно располагались отмершие лепестки сердце-сути, подцепила новую нить в недрах своей сущности и вдела ее в иглоку. Здесь нечего было шить, кроме пустоты. Но ведь цветок души рос в пустоте. И она, как сказал однажды Велин, не имела смысла без этого цветка.

Эсме прогнала сомнения.

Кузнечик открыл глаза и судорожно вздохнул.

Почему-то целительница не лишилась чувств. Она видела изумленные взгляды матросов, она понимала, что совершила чудо и подобного, наверное, уже никогда не повторит. Она не просто спасла чью-то жизнь – она выхватила душу из самых клешней Великого Шторма и его верных крабов.

И теперь на нее смотрели не только люди, но и фрегаты. «Невеста ветра», безымянные сторожевики и «Морская звезда».

Точнее, то, что раньше было «Морской звездой».

Угольно-черная шкура фрегата на глазах обрастала броней. Все палубные возвышения исчезли, обводы корпуса сделались гладкими и хищными. В корабле ничего не осталось от существа, предназначенного для служения людям. На месте мачт возвышались костистые отростки, от которых отходили кожистые складки парусов-плавников. Глаза жутковатого создания Эсме видеть не могла, но вполне представляла себе, как они *смотрят*.

– Весьма симпатичный новый член команды, – выдавил сквозь зубы наместник. Он по-прежнему стоял на коленях и, казалось, не замечал, что его руки пронзили три арбалетных болта, а рукава промокли от крови. – Рад, что ты нашла свою цель в жизни, Эсме! Очень рад за тебя... Может, ты окажешь по...

– Ни звука больше! – Разноцветные глаза Крейна полыхнули, и Эйдел не стал испытывать судьбу. Эсме виновато опустила взгляд: если бы наместник успел произнести до конца ритуальную просьбу, она не сумела бы ему отказать. – Увести ее в каюту, быстро! Тейравен не оценил богатства, дарованного Эльгой, поэтому я забрал эту целительницу себе!

Наместник ничего не сказал, только судорожно улыбнулся.

– Возвращайтесь на свой корабль, – ледяным голосом произнес пират. – И не смейте нас преследовать.

– Мы еще встретимся, капитан Крейн. – Улыбка Эйдела превратилась в оскал. – Если только тебя не сожрет твоя любимая рыбка. И с тобой... – Он бросил обжигающий взгляд в сторону Эсме. – С тобой мы тоже обязательно встретимся.

«Не хотелось бы...» – подумала она и погрузилась в темноту.

[– Это неправильно, Велин. Что бы ты ни говорил, как бы ни уговаривал – это неправильно.

– Объяснись, пожалуйста.

– Я... не верю, что Клятва должна быть именно такой, какая она есть. Если меня попросит о помощи преступник, убийца – что же, выходит, я не сумею ему отказать? Он...

– Не заслуживает помощи?

– Да! И не надо снова твердить про цветы в темноте. Есть люди, которые... которым...

– Лучше было бы умереть, – спокойно договаривает учитель за нее и, поднеся к губам чашку, делает глоток. В последнее время он пристрастился пить обжигающе горячий чай и по вечерам все время кутается в одеяло, даже если в доме тепло. – Я мог бы рассказать тебе о силе слов – в том числе и тех, из которых состоит Клятва, – о том, что они суть нити, которые сшивают нашу жизнь воедино, делают ее целой. Но ты же на самом деле хочешь услышать кое-что другое. Знаешь... – Он на мгновение умолкает, а потом на его усталом лице появляется грустная улыбка. – Однажды я спас человека. Если бы я этого не сделал, многие бы потом погибли; однако есть и те, кого спасенный мною убил, – и их немало. Отчасти в том, что с ними произошло, есть и моя вина. Но если бы я ему не помог... если бы я бросил его... – Велин качает головой, и она вдруг понимает, что он сейчас скажет. – Я бы тогда не смог жить. В этом-то все и дело, Эсме. Ты не можешь отказать вовсе не из-за Клятвы. Ты просто *не можешь* отказать. Такова наша с тобой природа, и с этим ничего не поделаешь.]

Пробуждение было не из приятных.

Первым делом Эсме почувствовала слабость во всем теле – даже пальцем не пошевелить: руки и ноги превратились в тряпичные чехлы, набитые ватой, словно у куклы. Потом пришла боль – как будто кто-то пытался высверлить дырку в ее правом виске. Усилием воли ей удалось загнать эту боль в дальний угол сознания, но справиться с ней полностью не получилось.

Целительница осторожно приоткрыла глаза.

Взгляд «Невесты» тотчас же сфокусировался на ней. Он по-прежнему давил, но уже не казался слишком уж неприятным. Возможно, она привыкла. Из иллюминатора лилось мягкое розоватое свечение. Рассвет? Закат? Сколько часов она провела без сознания и что с ней делали все это время?

Кристобаль Крейн сидел на сундуке в очень неудобной позе – вытянув длинные ноги, облокотившись о переборку, – и дремал. Он почти сразу проснулся и, откинув волосы с лица, добродушно-укоризненно сказал:

– Вы нас здорово напугали, Эсме.

Тут целительница сообразила, что на ней мужская рубашка. Щеки и уши покраснели так, что, наверное, от прикосновения к ним могла бы воспламениться бумага. Магус виновато развел руками:

– Смею напомнить, там было много крови, и ваша одежда некоторым образом пострадала.

Кровь! Эсме тотчас же про все забыла и потребовала рассказать, что с юнгой.

– Он жив и здоров, – спокойно ответил капитан. – Но у него пропал голос. Он может говорить только хриплым шепотом, и то недолго.

– О-о... – Эсме закрыла лицо руками, снова ощущая противную слабость в теле. – Я опять не смогла все сделать как надо...

– Нет, это никуда не годится, – перебил Крейн, нахмурившись. – Вы чуть было не погибли, спасая едва знакомого юнгу на пиратском корабле. Знаете, сколько времени вы провели без сознания? Двое суток с лишним. Вся команда, можно сказать, на цыпочках ходит, разговоры только о здоровье госпожи целительницы – и после этого вы смее сокрушаться, что чего-то не доделали?

Эсме опять покраснела и промолчала.

– Теперь, поскольку обстоятельства снова изменились, придется слегка пересмотреть наше соглашение, – продолжил Крейн. – Думаю, вы понимаете, что мне придется увезти вас очень далеко отсюда – туда, где Эйдел не достанет. Например, в Ламар – он большой, в нем проще затеряться. Но сейчас, пожалуй, рановато об этом говорить. Впрочем, если у вас есть вопросы по поводу случившегося, я... – Он ненадолго замолчал, явно взвешивая все за и против. – Да, я могу на некоторые ответить. Спрашивайте.

Целительница призадумалась. О чем стоит спросить пирата, пока тот в настроении беседовать? Взгляд «Невесты ветра» сделался тяжелее, требовательнее, и Эсме поддалась ему, как уже сделала однажды. Она закрыла глаза и увидела перед собой ослепительно сверкающую фигуру – солнце в облике человека. Одно из тех солнц, вокруг которых строилась сеть мерцающего света, – та часть фрегата, о существовании которой она до недавнего времени даже не догадывалась.

Миг спустя сияние сделалось нестерпимым.

– Ой...

– Не надо так делать, – назидательно проговорил магус. – Вы не часть команды и корабля, вы можете ослепнуть или еще чего похуже. Здесь действуют особые правила, и вам они пока что неизвестны.

– Извините, – растерянно пробормотала девушка и, моргая, уставилась на свои руки, лежавшие на одеяле.

У нее перед глазами все двоилось, головная боль усилилась. Фрегату зачем-то опять понадобилось выставить ее дурочкой перед Крейном? Она боялась даже строить предположения...

– Пожалуй, первый вопрос я задам самому себе и сам же на него отвечу, – сказал пират чуть-чуть насмешливым тоном, к которому она уже начала привыкать. – Почему ~Невеста~ ведет себя так, как ведет, и чего она хочет? – Эсме встрепенулась и взглянула на него, напряженно прищулив глаза. Синеватая тень маленького солнца все еще висела перед ней, не позволяя как следует рассмотреть выражение его лица. – Дело в том, что вот уже почти полтора года у нас нет целителя. Это серьезная проблема, как вы понимаете, и фрегат о ней осведомлен ничуть не хуже людей. ~Невесте~ не нравится, что почти каждый раз, когда мы сражаемся, кто-то погибает, а кому-то приходится страдать.

– Как же так вышло? – спросила Эсме.

– Долгая история... – Он пожал плечами. – Сюда попадают не от хорошей жизни, а целителей в нашем мире не так уж много, и те, с кем я встречался, имели в своем распоряжении дома, семьи и клиентов, которые готовы были носить их на руках, причем вполне заслуженно. Я подыскиваю простого лекаря, но мне не везет. Попадаются то полные болваны, то изворотливые пройдохи.

– Мне казалось, изворотливость – подходящее качество для... моряка, – сказала Эсме и тотчас же пожалела о своих словах.

– Для бандита, – безжалостно уточнил Крейн, вынудив ее снова покраснеть. – Вы столько лет целительствуете в портовом городе и до сих пор не знаете, что каждый член команды должен быть в чем-то похож на капитана, то есть на навигатора? Иначе фрегат отвергнет его,

отрыгнет, как ядовитую медузу. Уж не знаю, насколько я изворотлив, но называть себя пройдохой не позволю даже вам.

– Мне нечасто приходилось исцелять моряков, и я мало что знаю о вашей жизни, – с неохотой призналась девушка. – Я и Велин... почему-то нам в Тейравене не доверяли. Мы занимались гроганами и теми горожанами, у которых было маловато денег в кошельках. И еще фермерами с окрестных морских полей. В общем, всякой беднотой.

– Гм... – Крейн прикусил губу и ненадолго замолчал. Эсме показалось, что он не то расстроился, не то растерялся, но быстро взял себя в руки. – Ладно, забудем об этом. Я жду второго вопроса.

Эсме покопалась в памяти и обнаружила там слово, которого раньше не слышала.

– Что такое безумер? – спросила она. – И отчего «Невеста ветра» так его испугалась?

Крейн почесал переносицу и ответил вопросом на вопрос:

– Вы знакомы с трудами Синфы о средоточии разума?

– Конечно, он ведь один из известнейших целителей первого тысячелетия... – растерянно проговорила целительница. – Но вы-то откуда о нем знаете?

– Так сложилось, что однажды в моем распоряжении оказалась большая библиотека. – Пират махнул рукой с наигранной небрежностью. Еще одна тайна, поняла Эсме и решила не уточнять. – Раз вы их читали, мне легче будет объяснить. Так вот, у фрегата, как и у человека, имеется некое средоточие разума. Точнее, их несколько. Одно из них подвижно... – Он чуть помедлил, испытующе глядя на нее. – Я полагаю, вы их видели.

Маленькие солнца, которые ей показала «Невеста ветра». Одно из них и впрямь двигалось.

Сейчас оно сидело прямо перед ней.

– Безумер – это такое... оружие, – сказал Крейн. – Оно не убивает, а лишает разума. Вообще-то есть небольшая путаница в том, что порой происходит с фрегатами. Случившееся с «Морской звездой» назвали безумием, однако настоящее безумие охватило бы ее, если бы Эйдел Аквила применил эту мерзкую штуку по прямому назначению. Фрегат, лишенный разума, – это...

Он вдруг замолчал и поморщился, словно от зубной боли.

Эсме сама завершила фразу:

– Трупход.

– Трупход, – повторил магус с каменным лицом. – Послушная тварь, ползущая туда, куда прикажут, и спокойно принимающая на борт звездный огонь, от которого любой другой фрегат кверху килем перевернется. Да, такую вот славную дохлятину можно сделать при помощи безумера.

Он встряхнулся почти как птица и с прежней живостью уставился на нее:

– Что еще вы хотите узнать?

– У меня только один вопрос, – сказала Эсме, хотя на самом деле вопросов у нее теперь было не меньше двух десятков, и почти каждое слово Кристобаля Крейна увеличивало список. – Что же случилось с «Морской звездой»... в самом конце?

Крейн снова немного помолчал, а потом улыбнулся:

– Не стану утверждать, что это тайна, хотя среди моряков есть правило – не рассказывать об этом сухопутным... жителям. Вообще-то лучше и впрямь не рассказывать, а показывать. Не сейчас, чуть позже. А пока что вам следует немного подкрепиться. Кузнечик, заходи!

Дверь тотчас отворилась, и на пороге появился юнга с подносом в руках. Выглядел он и впрямь неплохо, хотя казался бледным. Шея у него была замотана какой-то не очень чистой тряпкой, и Эсме тотчас же протянула руки, чтобы размотать ее и осмотреть затянувшуюся рану. Он отстранился, попытался что-то сказать, но начал кашлять – так сильно, что чуть не

выронил поднос. Крейн спас ужин Эсме и красноречиво взглянул на юнгу. Через полминуты Эсме уже изучала шею своего пациента, который сделался очень покорным.

Шрам по форме напоминал кракена, раскинувшего щупальца во все стороны. Выглядело это довольно жутко, но Эсме гораздо больше встревожило то, что она увидела *внутри*. Принимая во внимание все обстоятельства, а также тот факт, что она исцелила мальчишку, не используя даже какого-нибудь слабого зелья, можно было порадоваться, что он выжил. Но радоваться ей не хотелось.

– Все хорошо? – спросил Крейн с какой-то преувеличенной заботливостью в голосе.

Эсме кивнула и отпустила Кузнечика, чей доверчивый взгляд заставил ее вздрогнуть. Капитан махнул рукой, веля юнге уходить, однако тот вдруг засуетился и вытащил откуда-то – словно из воздуха – стопку одежды.

– Я постирал, – сказал он хриплым шепотом и положил все на край койки.

И исчез.

– Судя по всему, – медленно проговорила целительница, когда они с капитаном опять остались вдвоем, – голос не вернется. Со временем он чуть-чуть окрепнет и станет громче, но таким, как прежде, уже никогда не будет. Мне жаль.

Магус нахмурился:

– Это станет для него серьезным ударом. Кузнечик, он ведь... Впрочем, какая теперь разница. Надеюсь, он поймет, что в жизни есть и более важные вещи.

Эсме снова ощутила какую-то недосказанность. Она совершенно не чувствовала удовлетворения оттого, что ей удалось спасти чью-то жизнь.

– Что ж, хорошо... – Крейн встал, пригладил волосы, стряхнул с рукава невидимую пылинку. – Одевайтесь и принимайтесь за еду, а потом встретимся на палубе. Там я все покажу, как и обещал.

Эсме последовала совету капитана: у нее проснулся зверский аппетит, и в скором времени от ужина остались одни крошки. Она оделась – на ткани не было ни единого пятнышка крови – и вышла из каюты.

На палубе несколько матросов, управлявшихся со снастями, заметили ее, и один, оставив работу, приблизился.

Это был Сандер.

– Хочу поблагодарить вас за спасение Кузнечика, – проговорил музыкант серьезно и торжественно. – Теперь я ваш должник.

– Вы с ним так дружны? – спросила целительница.

– Он мне ближе, чем брат, – ответил матрос. – Вы уже и сами, наверное, понимаете, какое доброе сердце у этого мальчика.

«Магуса, – машинально отметила про себя Эсме и не ощутила даже тени бывшего раздражения. – Мы все лишь цветы во мраке».

Вслух она ничего не сказала, просто улыбнулась. Сандер снова поклонился ей и вернулся к работе. Эсме медленно обернулась и увидела Кристобая Крейна. Неподвижный магус стоял на корме фрегата. Скрестив руки на груди, он устремил взгляд куда-то вдаль и в таком положении, похоже, пребывал уже давно. Чувствуя, как что-то словно подталкивает ее, Эсме подошла к нему.

Перед ней открылось прекрасное зрелище. Куда ни глянь, кругом простирался океан, и не виднелось ни единой точки, означавшей приближение другого корабля или близкую землю, но Эсме неожиданно ухватила самый краешек мыслеобраза, который мог принадлежать капитану, «Невесте» или любому из находившихся на борту людей и не людей. Не нужны были ни другие корабли, ни земля; вот этот ужасающе прекрасный простор и есть то, что суждено вспоминать каждому моряку в последние минуты жизни. Целительница осознала, что огромный мощный

фрегат на самом деле лишь хрупкая скорлупка на краю бездны, в которой обитают чудовища. Но это новое знание ее не испугало. В этот миг она готова была целиком и полностью признать, что ни шторма, ни твари из глубин не сумеют отвратить от моря того, чья душа опутана чарами безбрежного синего простора.

«Мы там, где неба нет, а есть лишь отражение моря...»

– Нравится? – Разноцветные глаза смотрели на нее с любопытством.

– Это... безмерно опасно и безумно прекрасно, – пробормотала Эсме, и капитану, похоже, эти слова пришлись по нраву. – Неужели вы совершенно не испытываете страха перед океаном?

Магус улыбнулся и ответил без тени иронии:

– Я не имею права бояться. Как только Он ощутит хоть смутную тень страха в моей душе, наша судьба решена. Любой из членов команды всегда должен знать, что между ним и Штормом стоит капитан.

– И фрегат, – осмелилась поправить Эсме.

Магус покачал головой:

– Капитан и фрегат, фрегат и капитан... какая разница? В нашем с ~Невестой~ случае и вовсе трудно понять, где заканчивается она и начинаюсь я.

Да, в этом Крейн был прав – теперь она видела золотистые узоры, намертво впаянные в его сущность. Теперь она могла взглянуть на него краем глаза, очень осторожно, чтобы увидеть не человека – не магуса, – а маленькое полыхающее солнце.

– Я и не знала, что все так непросто, – сказала Эсме. – Мне сложно это понять...

– Мне тоже непросто понять, что именно делает целитель, когда смотрит перед собой отсутствующим взглядом и из-под его ладоней струится золотистый свет, – заметил он с легкой усмешкой, возвращаясь к своему обычному тону. – Но людям важен результат, и они стараются не вникать во все остальное. А ведь на самом деле ничего сложного нет. – Он обвел взглядом палубу, как будто желая охватить всю «Невесту», вобрать в себя. – Однажды ты слышишь зов, против которого невозможно устоять, и идешь вперед, пока не находишь ту часть своей души, на месте которой всегда была пустота. Ты обретаешь целостность.

«Взмывая к облакам, доверяясь парусам, мы выбираем путь, не зная горя...»

Эсме слушала словно зачарованная.

– Я никогда не думала об этом так, – сказала она, когда магус умолк. – Признаюсь честно, капитан, вы... «Невеста»... все, что случилось за последние дни, – это многое изменило во мне. Я буду вспоминать об этом приключении, когда все останется позади.

– Да, – произнес Крейн со странной интонацией. – Вам будет что вспомнить. Но мы забыли, зачем я вас сюда позвал. Встаньте-ка на мое место!

Эсме повиновалась. Она вдруг ощутила странное напряжение, словно «Невесте» не очень нравилось то, что намеревался сделать капитан. Но здесь, на палубе, фрегату сложнее было воздействовать на ее разум.

– Смотрите!

Сначала Эсме не поняла, куда нужно смотреть, но послушно проследила взглядом за рукой Крейна. Стальную гладь океанских волн рассекала кильватерная струя «Невесты ветра», в вышине кружил крылатый силуэт человека-птицы.

Недалеко, справа по борту, в воде мелькнула большая тень.

Миг спустя такая же появилась слева.

Словно почетный караул, за фрегатом следовали два огромных кархадона.

– Эльга-Заступница! – только и сумела выдавить Эсме, парализованная страхом.

Чудовищ оказалось два, хотя и одно сумело бы в два укуса расправиться с «Невестой». Целительница зажмурилась: ужас предстоящего столь явственно нарисовался перед ее внутренним взором, что оставалось только...

– Не надо бояться. – На ее плечо легла горячая рука Крейна. – Посмотрите. Разве они не прекрасны?

Девушка собралась с духом и открыла глаза.

Кархадоны шли пугающе близко. Они двигались с той же скоростью, что и фрегат, поэтому казалось, что чудища привязаны к кораблю невидимыми тросами. Их черные спины то уходили под воду, то вновь показывались на поверхности.

Говорят, эти бронированные шкуры невозможно пробить никаким оружием...

Нет, неправильно. Ей нельзя об этом думать.

Эсме изумилась самообладанию Крейна и тому, что ни один из матросов не забил тревогу, – все продолжали заниматься своими делами, словно ничего особенного не происходило. Они не боялись.

«Любой из членов команды всегда должен знать, что между ним и Штормом стоит капитан...»

И в тот момент, когда кархадоны вдруг одновременно выпрыгнули из воды, подставив мощные тела под лучи заходящего солнца, Эсме все окончательно поняла. Она узнала очертания фрегатов в этих машинах для убийства – узнала тупой таран, превратившийся в острейший рог, узнала мачтовые отростки, ставшие плавниками, узнала взгляды, которые совсем не изменились.

«Мы еще встретимся... если только тебя не сожрет твоя любимая рыбка».

Теперь ей был ясен смысл странной фразы Эйдела.

Чудовища плавно вошли в воду и исчезли в глубине, а над гладью волн раздался протяжный стон фрегата.

– Кажется, после этого меня уже ничто не сможет удивить или испугать, – прошептала Эсме, стараясь сохранить в памяти каждое мгновение чудесной встречи.

Магус усмехнулся:

– Вы и так не из робкого десятка. Тут важно другое. Вы почувствовали их суть?

Она кивнула и с трудом удержалась от уточнения – *сердце-суть*.

– Они не агрессивны, даже наоборот. Странно – о них ведь рассказывают столько страшных историй...

– В океане для всего есть место – и для страшных историй, и для нестрашных, – сказал Крейн. – Вам еще многое предстоит узнать. Но закат лучше встречать молча и внимательно наблюдать за уходящим за горизонт солнцем – вдруг покажется зеленый луч, дарующий благодать, предвестник чего-то хорошего и долгожданного?

Эсме грустно улыбнулась:

– Эту сказку я знаю. Но ведь зеленого луча никто не видел.

– Вы и Заступницу никогда не видели, – возразил магус, – но не сомневайтесь в ее существовании, ведь так?

Она пожала плечами, и они в самом деле провели некоторое время на палубе, наблюдая за солнцем, которое медленно тонуло в бескрайнем океане. Вокруг царили тишина и спокойствие – не та ли самая благодать, о которой говорил этот странный моряк? Впрочем, никакого зеленого луча они так и не заметили.

Ночью Эсме почти не спала, обдумывая свое положение.

Кристобаль Крейн, разумеется, вовсе не просто так рассказал ей, что на «Невесте ветра» вот уже полтора года нет целителя. Впрочем, даже если бы он умолчал об этом досадном стечении обстоятельств, она бы все равно почувствовала неладное. Живой корабль глядел на нее с тем же выражением, с каким она сама глядела на флакон с зеленой пробудилкой: и горько, и противно, а выпить все-таки надо.

Целительница окинула взглядом каюту. Ее спальня в ныне сгоревшем доме в Тейравене показалась бы огромной по сравнению с этим ящиком, в который влезли только койка и сундук. Впрочем, «ящик» все же был до некоторой степени уютным, и она смогла бы к нему привыкнуть. Но прочие стороны жизни на корабле – то, что она успела увидеть собственными глазами, и то, что показала ей «Невеста ветра», – нравились ей гораздо меньше. Эсме все здесь представлялось слишком неудобным или слишком странным.

А еще – довольно-таки опасным.

– Эйдел Аквила знает, что я вовсе не пленница на этом корабле, – произнесла она вслух. На противоположной стене тотчас же распахнул веки черный глаз величиной с ладонь: «Невеста ветра» внимала. – Теперь меня будут искать, чтобы выйти на след знаменитого Кристобая Крейна. Вот ведь незадача – кажется, я променяла собственную безопасность на жизнь юнги, который даже своего настоящего имени мне не назвал. – Она невесело рассмеялась. – Капитан сказал, что наше соглашение придется пересмотреть, но пообещал, что все будет хорошо. Как-то сложно себе представить, что у него это получится...

Глаз моргнул. Эсме почувствовала знакомую боль в висках.

– Еще он сказал, что целительницу никто не тронет, и это, пожалуй, верно. Однако цепные акулы запросто испортят мне жизнь и легко докажут, что все, чем я владею, досталось мне от пиратов и потому подлежит конфискации. Я уже знаю, как это происходит...

Эсме зажмурилась.

Она знала лишь один способ сделать все так, чтобы ни чайки, ни прочие слуги капитана-императора не смогли причинить ей никакого вреда. У нее все переворачивалось внутри при мысли, что снова придется прибегнуть к крайнему средству, которое в прошлый раз чуть ее не погубило, – ведь теперь Велина не будет рядом, чтобы помочь. Но ничего менее опасного она придумать не могла.

Не оставаться же ей, в самом деле, на пиратском корабле.

Утром Сандер принес завтрак и с сияющим лицом объявил, что вечером Крейн собирается устроить всеобщий праздник в честь юнги, который спас капитана, и целительницы, которая спасла юнгу. Эсме растерянно поблагодарила его, не зная, что еще сказать. На этом, однако, удивительные новости не закончились.

– Я приду чуть позже, – сказал Сандер, стоя на пороге ее каюты, – и проведу вас по кораблю. Все покажу, со всеми познакомлю. Думаю, вам будет интересно узнать, как устроена «Невеста ветра» и кто тут живет.

– А капитан Крейн об этом знает? – спросила Эсме, решив не уточнять, что как раз о внутреннем устройстве корабля ей известно достаточно – от самого корабля. – Он же хотел держать меня тут как в тюрьме до следующего порта.

– Знает ли капитан? – Сандер неуклюже взмахнул рукой, стукнулся костяшками пальцев о дверь и зашипел от боли. – Да он и приказал мне этим заняться. Кое-кому такое дело не по нраву, но вы не переживайте!

Растерянность Эсме возросла стократ, и теперь к ней примешивался страх. Кто-то дерзнул возразить капитану? А как же вчерашний красивый рассказ о том, что вся команда думает и поступает так же, как навигатор? Кроме того, она сомневалась, что хочет слишком уж близко знакомиться с пиратами, пусть даже те и благодарны ей за помощь. Пожалуй, разумнее всего было придерживаться первого приказа Крейна и не выглядывать из этой каюты без лишней надобности, пока «Невеста ветра» не окажется в каком-нибудь достаточно далеком от Тейравена порту, вновь замаскировавшись под торговый фрегат. Но когда Сандер и впрямь вернулся, у нее не хватило смелости отослать его.

Матрос, как и обещал, показал ей весь фрегат, начиная с брюха и обитавших там маленьких лодок. Вживую все выглядело и ощущалось иначе: коридоры были темнее, в воздухе чув-

становался едва уловимый пряный запах, и в висках Эсме то и дело начинала пульсировать боль – она ощущала сомнения фрегата, который никак не мог решить, что с ней делать. И, конечно, теперь вокруг были люди, а не узлы светящейся сети.

Кока звали Мани Рыбий Хвост. Он был похож на копченую рыбу-иглу – тощий, обожженный солнцем, с длинным носом и глазами навывкате. Эсме, смущаясь, поблагодарила его за еду и особенно за чай, а он выразил готовность поить ее этим самым чаем – по семейному рецепту! – каждый день, столько времени, сколько понадобится. Она посмотрела на его руки, покрытые шрамами от ран и ожогов, и тотчас же поймала шальной мыслью образ, полный жгучей боли. Мани страдал от суставной болезни, которая должна была в скором времени превратить его пальцы в подобия кривых древесных корней. Она легко коснулась его плеча и убрала боль, решив, что с остальным разберется в Ламаре или другом порту, где Крейн выполнит все свои обещания, не забыв о сундуке с целительскими зельями.

Откуда-то выплыл шустрый мыслью образ и ринулся прямо на нее, но Эсме оттолкнула чужое воспоминание, ощутив лишь намек на запах гари – не от подгоревшей еды – и услышав слабое эхо чьих-то рыданий.

Бронт и Стероп – похожие друг на друга матросы, которых она видела в «Водяной лошадке» вместе с Плетельщиком узлов, – действительно были братьями. Они сбежали из дома и отправились странствовать по морям, а в итоге Крейн нанял их в каком-то северном порту, спасая от разгневанного торговца, у которого братья свели нескольких овец. Живостью ума эти двое не отличались, но капитана считали своим третьим братом и ради него были готовы на все. Они ничем не болели – и даже бывшие раны их не беспокоили, – зато видели, как Эсме восстановила разодранную руку Крейна, поэтому теперь их преданность распространялась и на нее.

Плетельщика Эсме встретила, когда поднялась вместе с Сандером на палубу и огляделась по сторонам, щурясь от яркого света. Хотя поначалу он и показался ей темной безликой фигурой, она без труда узнала его по голосу.

– Вот мы и встретились снова!

Эсме кивнула в ответ. Он излучал беспешашное веселье, и рядом с ним серьезные мысли улетучивались сами собой.

– Меня зовут Умберто.

– Рада видеть тебя, мастер узлов, – сказала целительница. – Я и не думала, что ты так быстро перейдешь к выполнению условий нашей сделки.

Он дернул себя за мочку уха и лукаво улыбнулся.

– Осторожнее с ним, милейшая Эсме, – послышался еще один знакомый голос со стороны носа корабля. Целительница посмотрела туда и увидела человека-птицу, который сидел, завернувшись в свои крылья, будто в плащ. – Этот плут продаст эльгиниту его собственный колокольчик и даже не вспотеет.

Крылан говорил язвительно и резко, как и раньше. Эсме поняла, кто возражал против того, чтобы позволить ей прогуляться по кораблю. Во взгляде человека-птицы легко читались недоверие и досада. Она не стала приближаться к нему на три шага – хватило и пяти.

– Очень грубо с твоей стороны, Джа-Джинни, – сказал Умберто, невзначай представив крылатого. – Я же стараюсь...

– Быть галантным, я знаю, – перебил крылан и изобразил подобие улыбки. – У тебя еще будет шанс сегодня вечером продемонстрировать, что капитан обучил своих помощников хорошим манерам за столом. У тебя, друг мой, одна из главных ролей в готовящемся спектакле, раз уж все началось именно с того, как вы с нашей гостьей красиво сработались тогда, в трактире.

Эсме вздрогнула. А ведь и в самом деле, какая медуза ее укусила, что она ввязалась в чужой спор, да к тому же столь эффектным способом? Такой поступок был совсем не в ее характере.

– Знаете, когда в кошельке нет ни гроша, легко совершать глупости, – сказала она неожиданно для самой себя. – Меня ожидали нищета и голод. Такое будущее кого угодно заставит рискнуть и даже поступить не совсем честно.

– Нечестно? – удивился Умберто. – И в чем же заключалась нечестность?

Эсме запоздало прикусила язык, но теперь они оба – человек и крылан – внимательно смотрели на нее и ждали ответа. Что ж, она уже достаточно ругала себя за обман, теперь пришел черед рассказать всю правду одному из непосредственных участников истории.

– У нас, целителей, – сказала она, – есть одна большая проблема, о которой все остальные мало что знают и даже не могут себе представить, насколько все в действительности серьезно. На расстоянии трех шагов я начинаю ощущать чужие воспоминания как свои, но это полбеды. Они застревают в моей памяти и временами даже подменяют то, что происходило со мной на самом деле. Конечно, так бывает не всегда... но, поверьте, вам бы не хотелось запутаться в противоречащих друг другу образах, пытаясь определить, что именно из увиденного произошло не с вами, а с кем-то другим.

– Я пока что не вижу связи с узлами, – заметил Умберто.

Эсме покачала головой:

– Но она есть. Я развязала тот узел, воспользовавшись чужим воспоминанием, задержавшимся в моей собственной памяти. На самом деле я в узлах вообще ничего не смыслю. Короче говоря, я сжульничала.

Умберто озадаченно прикусил губу, а Джа-Джинни посмотрел сначала на него, потом на нее и расхохотался. Он так смеялся, что чуть не упал на спину, и в конце концов раскрыл крылья и по-птичьи подпрыгнул, сохраняя равновесие.

– Ну и дела! – воскликнул крылан, и Эсме показалось, что его голос слегка потеплел. – Видишь, Умберто? На каждого хитреца найдется кто-то хитрее! Я ошибся – это тебе надо быть осторожнее, а не ей!

– Лети отсюда, пока я не повыдирал тебе все перья, – добродушно посоветовал моряк.

Человек-птица снова расхохотался, а затем и в самом деле взлетел. Эсме вдруг почувствовала себя неуютно рядом с Умберто и под каким-то выдуманном предлогом попросила Сандера – тот смиренно ждал, пока его услуги вновь понадобятся, – отвести ее обратно в каюту. Ей захотелось побыть в одиночестве, насколько это представлялось возможным на борту живого фрегата.

На закате, как и обещали, моряки начали пировать. Для капитана и его гостей накрыли стол в просторной каюте, где Эсме оказалась впервые, – это было, как ей объяснил язвительный Джа-Джинни, нечто вроде зала собраний.

Эсме усадили по правую руку от капитана, а по левую сидел худощавый пожилой мужчина по имени Эрдан. Он был на «Невесте ветра» корабельным мастером – Эсме не поняла, что это означает, но спросить не решилась. Одного взгляда хватило, чтобы вспомнить: именно с ним она столкнулась на пристани после разговора с Эйделом. Корабельный мастер тоже ее узнал и ободряюще кивнул, еле заметно улыбнувшись. Он был еще старше, чем ей показалось в тот раз, хотя и казался крепким. Возле самой Эсме сидел Умберто – он принарядился, причесался и уже ничуть не походил на простого матроса. Его манеры за столом, как и предсказывал крылан, были весьма хороши.

– Моя правая и левая рука, – сказал Крейн, официально представляя ей Джа-Джинни и Умберто.

Плетельщик узлов снова дернул себя за серьгу, и Эсме подумала, что никто другой из моряков, с которыми она встретилась сегодня, не носит такого украшения. А ведь оно, если подумать, напрямую указывает на своего хозяина как на опасного человека – морские просторы за экватором принадлежат меррам и пиратам, порядочным людям там нечего искать. Может, поэтому верзила-спорщик в трактире и не стал драться с обидчиком. Так или иначе, «левая рука» капитана Крейна явно отличалась склонностью к безрассудным поступкам.

Джа-Джинни, которому требовалось больше места, чем другим, сидел за противоположным концом стола, а стул рядом с Эрданом занял донельзя смущенный Кузнечик.

– Первый тост, – старший магус поднял кубок, – за здоровье нашей гостьи, которая хоть и оказалась на борту ~Невесты~ не по собственной воле, повела себя как подобает члену команды!

Они выпили и принялись за еду. Постепенно завязалась спокойная и даже чинная беседа, в которой Эсме не участвовала, поскольку едва могла уловить ее смысл. Она изредка ощущала взгляды Кузнечика. Юнга тоже чувствовал себя неуютно за одним столом с капитаном и его ближайшими помощниками и ускользнул из каюты, как только подвернулась возможность. Эсме, как бы ей ни хотелось последовать его примеру, сосредоточилась на еде – кок расстарался и приготовил блюда, каких ей никогда не доводилось пробовать. А когда разговор перешел на обсуждение дальнейшего курса и запестрил морскими выражениями, которые она постепенно начинала понимать, – вынудила себя полностью отрешиться от слов, что звучали вокруг.

Вдруг Эсме почувствовала растущую напряженность и вновь прислушалась.

– ...Как пожелаешь, но я тебя предупредил, – проговорил Эрдан, барабанил пальцами по столу. Поначалу спокойный и даже хладнокровный на вид, теперь он с трудом держал себя в руках. – Иногда мне кажется, что ты нарочно хочешь ее покалечить.

– Он прав, Кристоаль, – с серьезным выражением лица кивнул Джа-Джинни. – Риск слишком велик. Я против.

– Умберто, а ты что скажешь? – Крейн сидел, откинувшись на спинку стула. – Как бы ты поступил на моем месте?

– Я бы попробовал, – тотчас же откликнулся молодой моряк. – Интересно же!

– Интересно будет, когда «Невеста» останется без глаза, – пробормотал крылан и вдруг перевел взгляд на Эсме: – Мы вас утомили?

Целительница отложила вилку.

– Ничуть. Хотя было бы проще, если бы я понимала, о чем идет речь.

Мужчины негромко рассмеялись. Ей ответил Эрдан:

– Речь идет об одном весьма опасном маневре, который мы оцениваем по-разному. – Он покосился на капитана и, получив молчаливое согласие, продолжил: – Вы уже имеете представление о том, как выглядит фрегат, приготовившийся к бою, – словно еж, ошестинившийся острейшими крючьями. Кстати говоря, боевые фрегаты нередко называют именно «морскими ежами». С помощью крючьев один фрегат может прицепиться к другому, но у них есть еще одно немаловажное значение: защита от таранного удара, который может повредить одно из...
ГМ...

– Средоточий разума, – сказала Эсме. – Капитан объяснил мне, что это такое.

Эрдан многозначительно посмотрел на Крейна. Тот слегка улыбнулся.

– Ну, хорошо. Так вот, дело в том, что хотя крючья и защищают корабль от тарана противника, они растут неравномерно. Есть небольшая вероятность, что при должной сноровке и хорошем владении своим фрегатом навигатор сумеет заставить его нанести удар туда, где крючьев мало, – например прямо в нос другому кораблю. В случае удачи тот будет полностью и надолго обездвижен, то есть не сможет ни удрать, ни защищаться как следует. Но если...

– Никаких «если», – перебил Крейн. – Мне нужно знать, что это *возможно*, только и всего. Не забывай, что я команду ~Невестой~ и весь риск ложится в первую очередь на *меня*.

– В том-то и проблема, что я знаю твоё отношение к риску лучше, чем ты сам. – Эрдан вздохнул. – Остается лишь надеяться, что тебе не придется прибегать к такому... э-э... фокусу.

– Забавно, правда? – вдруг сказал Джа-Джинни, устремив на Эсме пристальный немигающий взгляд. – Пять дней назад вы были добропорядочной и, полагаю, уважаемой жительницей Тейравена, слушали по утрам, как звонят колокола в обители эльгинитов, и читали развешанные повсюду объявления о награде за поимку грабителей. А теперь мы сидим за одним столом и обсуждаем, как бы побыстрее вывести из строя фрегат какого-нибудь бедолаги-торговца. Жизнь стремительна, и никогда не знаешь, что с тобой произойдет завтра или послезавтра.

За столом сделалось очень тихо.

– Да, это верно, – сказала Эсме, бледнея. – Десять лет назад жизнь моей семьи тоже стремительно изменилась. Не в мгновение ока, но все же... Утром мы были добропорядочными и уважаемыми, вечером стали пособниками пиратов – а ночью наш дом сгорел.

На лице крылана не дрогнул ни один мускул.

– Вы рассчитываете нас удивить или разжалобить? – язвительно спросил он. – На борту этого корабля полным-полно историй, одна страшнее другой. Потому мы и держим их при себе, хотя груз временами становится тяжелым.

Эсме пожала плечами:

– Значит, целителям хоть в чем-то повезло.

– Это в чем же? – спросил Крейн, до этого с жестоким интересом наблюдавший за ее разговором с Джа-Джинни. Ей показалось, что голос капитана прозвучал как-то странно. – Не в том ли, что, кроме своих тайн, вы храните чужие?

– В том, что мы способны забывать эти тайны, – сказала она, и настроение магуса вдруг начало меняться с необыкновенной скоростью. Он мрачнел на глазах, вокруг него словно собиралась грозная туча. – Есть такое особое... место. Называется [сундук].

– Сундук? – переспросил Эрдан.

– [Сундук], – уточнила Эсме. – Я... я понимаю, вы не чувствуете разницы, но любой целитель ее ощущает весьма отчетливо. Это такая штука, в которую что угодно можно положить, но нельзя достать обратно. – Она нахмурилась. – Туда прячут как чужие, так и собственные мыслеобразы. Или даже часть своей памяти.

[Бамц!]

– И вы это с собой сделали? – спросил Крейн.

– А разве у вас нет воспоминаний, от которых становится больно? – тихо спросила она, чувствуя, как дыра в памяти вновь начинает саднить. Затылок налился свинцом. – Разве вам никогда не хотелось уберечься от боли, которая страшнее всякой пытки? Я... мне слишком многое пришлось... потерять. Жить с таким грузом невыносимо, поэтому я пред почла от него избавиться.

– И сразу стало легко и приятно? – поинтересовался магус столь ядовито, что Эсме ощутила во рту горький привкус. – Да? Я прав?

Она покраснела. Крейн по-прежнему сидел спокойно, но плясавшие в разноцветных глазах огоньки придавали ему слегка безумный вид. Его рука безотчетно сжимала вилку, и Эсме вдруг подумала, что этот странный человек может превратить в оружие даже перышко.

– Да, вы совершенно правы, – сказала она по-прежнему тихо, но уверенно. – Я сама принимала решение, и мне показалось, что этот выбор лучше, чем прыжок со скалы вниз головой. Воспоминания не так уж важны для жизни.

– Разумеется. – Теперь тон капитана сделался глумливым. Он отбросил вилку и поднес руку к лицу. – Это все равно что лечить царапину на пальце путем отсечения пальца, ведь он для жизни не так уж важен.

Правая рука мага опустилась на стол, а левая, в которой невеста откуда взялся нож, совершила стремительное движение. Спустя мгновение рукоять ножа торчала как будто бы из его кисти, а лезвие полностью вошло... Эсме понадобилось несколько секунд, чтобы понять – не в руку, а в столешницу.

– Ненормальный! – выдохнула она и, скользя из-за стола, бросилась вон.

Полная луна в темном небе чем-то напоминала цветок сердце-сути посреди бескрайней тьмы. Эсме невольно потянулась к ней, а потом вспомнила, что сейчас она всего лишь человек, и у нее совершенно обычное человеческое тело, которое не умеет парить посреди пустоты и зашивать разорванную ткань души-тела нитками, свитыми из частиц ее силы. Силы, дарованной Эльгой-Заступницей и предназначенной для того, чтобы в мире стало хоть немного меньше боли и страданий.

Отчего же в ее собственной жизни их так много?..

Во тьме плыла странная мелодия, рисуя узоры из звезд, заигрывая с ветром и волнами. Эсме закрыла глаза, попыталась очистить разум от посторонних мыслей, но быстро поняла, что этой ночью ей вряд ли удастся достичь спокойствия. Ссора с Крейном была больше, чем просто ссорой. Что ж, по крайней мере, она избавлена от необходимости выбирать – после такого он вряд ли захочет ее видеть на своем корабле. Они расстанутся в Ламаре или в каком-нибудь другом порту.

Позади зашуршали перья.

– Три шага, – проговорила Эсме, продолжая глядеть на луну. – Не подходите ближе, если не хотите, чтобы я ненароком прочитала ваши мысли.

– Я-то думал, вы заметили, – сказал Джа-Джинни и тихонько рассмеялся.

От его язвительности не осталось и следа. Эсме повернулась и увидела его лицо совсем близко от своего. Глаза крылана светились в темноте почти как у кота.

«Заметила что?» – чуть было не спросила она.

И тут же все поняла.

Вокруг него не было мыслеобразов.

– Я не впервые услышал о чужих воспоминаниях, – продолжил Джа-Джинни тем же мягким и спокойным голосом. – Мне много лет, я встречал многих целителей и знаю о своей... особенности. Возможно, все дело в том, что я другой. Я не человек.

Эсме захотелось возразить, хотя она и понимала, насколько это глупое желание. Перед ней стояло существо, почти целиком покрытое перьями, и у него были *крылья*. Она промолчала.

– Я могу лишь предполагать, что вы сейчас чувствуете. – Он встал рядом с ней и положил на планшир руки с длинными когтистыми пальцами. – Вам кажется, что вы предложили единственно возможный способ решения серьезной проблемы, а капитан повел себя странно, несправедливо обидел вас.

Эсме снова промолчала.

– Однако вы не знаете Кристобая так, как его знаем мы. Наш капитан... – Крылан немного помолчал, почесал затылок, словно подыскивая нужные слова. – Наш капитан сам выбирает каждого нового члена команды и предлагает его «Невесте ветра». Может показаться, что внутри все мы одинаковые, похожие на него, но на самом деле всё чуточку сложнее. Мы разные... – Он снова замолчал на несколько секунд. – Мы словно части одной сложной головоломки, которые отдельно друг от друга лишены смысла. Взять, к примеру, Умберто – сам по себе он не более чем обычный бесшабашный жулик, из тех, что долго не живут. А здесь его качества играют на руку капитану и «Невесте», потому что всякий раз вплетаются в узор, который целиком известен только им двоим.

– А вы? У вас тоже есть... качества, которые использует капитан Крейн?

Он кивнул:

– Разумеется. Может, попробуете угадать?

Она чуть помедлила, размышляя, не стоит ли отказаться, а потом рискнула:

– Полагаю, ваше качество – здравый смысл.

Улыбаясь, крылан еще меньше походил на кого-либо из людей, и его лицо, со слишком большими глазами и слишком широкими скулами для человека, выглядело даже чуть-чуть жутким. Эсме подавила дрожь. Было что-то еще не столь очевидное среди его *качеств*...

– Вы проницательны, – сказал он. – Да, и я уже сказал Кристобалью... кстати говоря, главное из его собственных качеств – упрямство... Так вот, я сказал Кристобалью, что идею взять вас в команду считаю дурной. Простите, но это правда. Пока что все они видят перед собой хрупкую девушку, почти ребенка, в котором ощущается нечто неземное, нечто от Заступницы. Но божеству нужно поклоняться издалека, а не жить с ним рядом. Здесь, – он ткнул пальцем вниз, – достаточно много грязи, пусть она и не видна с первого взгляда. Когда Светлая Эльга станет не такой уж светлой, начнутся неприятности.

– Все правильно, я и сама об этом думала, – тихо проговорила Эсме.

– Вы не только проницательны, но еще и умны. – Час назад она едва ли могла предположить, что услышит от крылана комплимент, сказанный совершенно искренним тоном. – А еще в вас достаточно самоотверженности, чтобы пойти на риск с [сундуком]. Не смотрите так удивленно – я же сказал, что встречал за свою долгую жизнь немало целителей.

Эсме, отворачиваясь, пробормотала:

– Тогда вы знаете, чем это может закончиться.

Крылан вздохнул:

– Знаю. Но я знаю еще кое-что – я видел людей, переживших бескровный допрос с пристрастием, который проводили чайки. Поверьте мне на слово, если вы попадетесь семейству Лар, даже Заступница вас защитит не сможет, что бы там ни говорил Кристобаль. Он ведь на самом деле хочет, чтобы вы остались, потому и несет чушь.

«А если я и впрямь останусь? – подумала Эсме. – Защитит ли она меня?»

– Только не поддавайтесь, – сказал Джа-Джинни. – Он перегорит и снова попытается вас обаять. Он необыкновенный, а вы такая... юная. Помните, что у вас вся жизнь впереди, и не стоит связывать ее с бандой отщепенцев. Помните!

Он прыгнул на планшир и взлетел во тьму.

Целительница закрыла глаза.

Фрегат только этого и ждал. Она вновь растворилась в его бескрайней сущности, на этот раз не ощутив даже намека на страх, и острота ее восприятия превзошла все мыслимые пределы. Она по-прежнему была собой ~ она стала каждым из живущих, что пребывали внутри нее ~ она парила черно-золотым цветком посреди... тьмы, пустоты? Нет~нет, посреди холодного и сурового, но все же переполненного жизнью океана. Цветок во мраке сердце-сути был одинок, а здесь повсюду виднелись мыслеобразы: большие и малые, многоглазые и зубастые, с ядовитыми шипами и в твердых панцирях, чешуйчатые и студенистые, разные, разные, разные... Ни один не приближался к ней, а те, что уже были ~внутри~, держались обособленно, даже не пытаясь объединиться с ее собственными воспоминаниями. Это было так непривычно, что она растерялась. Проснулась боль в затылке ~ гулкий колокольный звон, разбитое стекло, от едкого дыма по щекам текут ручьи слез ~, и она почти вспомнила то, чего не могла вспомнить.

[Все это богатство, пожалуй, сюда не влезет. А жаль.]

Вздвигнув, Эсме пришла в себя.

Впереди что-то полыхнуло среди туч, потом раздался далекий грохот. Она принялась озираясь по сторонам и поняла, что доносившиеся снизу отзвуки пиршества затихли, а на корабле все пришло в движение. Мимо пробежали два матроса и стали что-то делать со сна-

стями, при помощи которых был закреплен нижний парус ближайшей к Эсме мачты. Еще двое забрались на самую мачту. Каждый из них явно старался работать пошустрее, потому что...

На палубе был капитан.

Он появился незаметно и сейчас стоял к ней спиной, но почему-то девушка нисколько не сомневалась, что ему известно о каждом ее движении и, вероятно, о каждой ее мысли. Вот теперь она испугалась по-настоящему – Крейна? Приближавшейся бури? – и чуть не подпрыгнула, ощутив на плече чью-то руку.

– Лучше бы вам спуститься в каюту, – сказал Эрдан, мастер-корабел. – Надвигается сильный шторм, да и в любом случае сегодня разговаривать с капитаном не имеет смысла.

Взгляд старика был ласковым и понимающим.

– Может, стоит... изменить курс? – робко спросила Эсме. Порыв ветра слегка взлохматил ей волосы. – Зачем идти туда, где поджидает опасность?

– Здесь повсюду опасности, их великое множество, – ответил Эрдан. – И на самом-то деле шторм не там, где молнии и гром, он уже над нами, он всегда над нами. От него не скрыться.

– Я боюсь.

Мастер-корабел покачал головой:

– Вот уж чего не надо, так это бояться. «Невеста ветра» не может утонуть. И все же настоятельно советую уйти вниз, чтобы вас не смыло за борт.

Это было бы и впрямь разумно, однако она почему-то осталась. Ветер крепчал с каждой минутой. Вскоре фрегат и впрямь изменил курс, развернувшись носом навстречу волнам. В памяти Эсме всплыл мыслеобраз: она увидела брата и отца, которые сидели за обеденным столом и увлеченно спорили, как следует управлять лодкой в плохую погоду. Ни лиц, ни голосов – лишь расплывчатые пятна и невнятное жужжание, как всегда. Сначала ее охватила знакомая тоска по прежним временам, а потом на смену тоске пришло недоумение.

Ни Паоло, ни Бартоло не были навигаторами. Откуда же у нее эта странная уверенность, что они говорили о лодках? И с чего вообще она взяла, что вспомнила именно отца и брата?..

[– Носом к волне – и пробивайся вперед. Только так.

– Почему?

– Иначе перевернешься. Ей-то ничего не будет, она не утонет, а ты окажешься в воде и захлебнешься.

– Я хорошо плаваю!

– Ты не знаешь, что такое настоящий шторм, ты его не видел ни разу. И с какой стати ты со мной споришь, сухопутный шебаршила?..]

Она поморщилась и решила разобраться с этим позже, а пока следовало забиться в какой-нибудь угол, чтобы не мешать и в самом деле не оказаться за бортом. Качка усиливалась. Фрегат то поднимался на гребень очередной волны, то падал, и босые ноги Эсме скользили по мокрой палубе. Оставалось лишь удивляться, что моряки не падают. Правда, двигались они очень осторожно. Один раз мимо нее прошел сосредоточенный Крейн, но ничем не обнаружил, что видит свою гостью там, где ей не положено быть. Начался сильный дождь, и Эсме едва успела подумать, что пора в каюту, как кто-то сунул ей в руки непромокаемый плащ. Она огляделась и увидела удаляющуюся сутулую спину Сандера.

Матросы освобождали одни паруса, позволяя им сложиться, и закрепляли другие. Наблюдая за их действиями, абсолютно не понятными ей, Эсме вспомнила один из рассказов Пью – о том, как во время шторма фрегату сломало мачту сильным порывом ветра. Старый моряк тогда вдруг побледнел и сказал изменившимся голосом, что в жизни не слышал крика страшнее, чем крик того корабля.

В очередной раз проходя мимо, Крейн сделал вид, что впервые ее заметил.

– Вы-то что здесь делаете? Быстро вниз, а то еще смочет.

– Невелика потеря! – крикнула Эсме в ответ, но сильный порыв ветра увлек слова за собой и швырнул в бушующие волны. Крейн что-то сказал, Эсме ничего не услышала. Магус смерил ее суровым взглядом, пожал плечами...

И остался рядом.

В темном небе сталкивались тучи; молнии сновали между небесами и водой, словно желая сшить их воедино. Дождь лил и лил, вокруг все гудело, трещало, стонало. Палуба содрогалась, словно живому фрегату тоже было страшно, и все же он упрямо взбирался на очередную водную преграду, чтобы потом рухнуть вниз. Крейн казался скалой – он даже не вздрагивал, получая от дождя очередную оплеуху. Ноги Эсме онемели от холода, но теперь она и не помышляла о том, чтобы уйти.

Их с «Невестой ветра» ощущения вновь начали перемешиваться, и шторм показался целительнице не бездумной стихией, а чем-то совершенно иным – силой, у которой были и разум, и воля. Силой, которая хотела и умела убивать. По сравнению с ней живой корабль выглядел безобидным, как упавший с дерева лист на поверхности пруда, однако он все равно стремился вперед, бросая вызов тучам, ветру, дождю, океану и тому, о ком во время плохой погоды не принято было говорить вслух. «Невеста ветра» и в самом деле боялась – Эсме чувствовала, как от чужого страха ее внутренности превращаются в холодный слипшийся ком, – но не собиралась сдаваться.

Внезапно ветер стал стихать, а потом вовсе прекратился. Паруса фрегата обвисли, он замер на месте. Волны успокоились, ливень сменился слабым дождиком. Где-то вдалеке по-прежнему грохотали сталкивающиеся друг с другом тучи, сверкали молнии. Оглядевшись, Эсме поняла, что буря окружает «Невесту ветра» со всех сторон. Но в непосредственной близости от них море было тихим, спокойным, и его поверхность слегка мерцала...

От этого умиротворяющего мерцания ее пробрала дрожь.

Клубком мокрых перьев с неба свалился Джа-Джинни. Крейн, по-прежнему не двигаясь с места, поднял руку, словно призывая людей к молчанию, хотя никто даже рта не раскрыл. Эсме замерла, глядя на него. В тишине и при полном безветрии фрегат направился вперед, словно под водой его кто-то ухватил и потащил, – против воли, и уж давно не по желанию капитана.

– Рубить тросы! – крикнул магус. – И все вниз!

Целительница не шелохнулась. Кристоаль бросил на нее злой взгляд, но ничего не сказал. Матросы расправились с канатами очень быстро и один за другим скрылись в люке; последним ушел мастер-корабел. Магус подошел к фальшборту, и Эсме последовала за ним. Она увидела, что на поверхности воды проступил круг, внутренняя часть которого медленно прогибается вниз, и «Невеста ветра» опускается вместе с ней, кренясь на правый борт.

Водокрут!

Ноги Эсме подкосились, и она упала бы, не подхвати ее Крейн. Она с ужасом поняла, что они обречены. Ей не раз доводилось слышать страшные истории о том, как корабли, попавшие в водокрут, погибают на глазах у бессильных очевидцев. Кракены и прочие опасности голубой бездны меркли по сравнению с тем, что угрожало им сейчас. От водокрута нельзя было спастись.

– Здравствуй, старый друг! – Разноцветные глаза капитана сияли, он словно не понимал, что к ним приближается смерть. – Так и знал, что ты опять появишься... Погляди-ка на него!

Эсме послушно посмотрела туда, куда он указал взмахом руки, хотя ей меньше всего на свете хотелось видеть сплошную стену воды, которая вставала над левым бортом «Невесты ветра». Фрегат с нарастающей скоростью опускался к жерлу водокрута – туда, где чудовищная сила должна была сначала расплющить его, а потом разорвать на части. Происходящее походило на дурной сон, а на самом краю огромной воронки она увидела нечто и вовсе кошмарное.

Там был фрегат в несколько раз больше «Невесты ветра» – громадный плавучий остров молочно-белого цвета, идущий против течения водокрута. Его слепые глаза серебристо мерцали, над мачтами кружила стая птиц. Самых мачт было непривычно много – не меньше семи, – и на видимом борту красовались непонятные отростки, похожие на плавники странной формы, расположенные как попало. Чудище из легенд, выглядевшее совершенно реальным, двигалось с величавой торжественностью.

Эсме закрыла глаза. Вот теперь им точно не спастись.

– Идем! – хрипло проговорил магус. – Нам нельзя здесь оставаться.

– Зачем? – Эсме показалось, что все кости в ее теле расплавились. – Это смерть. Нас спасет только чудо.

– Будет тебе чудо!

Устав пререкаться, Крейн схватил ее за руку и потащил за собой. Люк закрылся у них над головами, и в ту же секунду Эсме ~погрузилась в воду.~ Ощущение было очень правдоподобным: она успела почувствовать, как спасительный воздух покидает легкие, как они заполняются водой, и лишь потом поняла, что это наваждение, очередной мыслеобраз. Вокруг была темнота. Крейна рядом не оказалось, зато виднелся едва различимый силуэт Эрдана.

– Пойдемте, я провожу, – сказал мастер-корабел. – Кажется, вам лучше прилечь.

– Но я... – Эсме растерянно потерла лоб. Несколько минут напрочь стерлись из ее памяти без всякого [сундука]. Один раз «Невеста ветра» уже проделала с ней такой фокус. – Что происходит? Где мы?

– Под водой, – сказал Эрдан. – Так, дайте-ка мне руку.

Девушка шагнула ему навстречу ~и снова оказалась под водой, но на этот раз не захлебнулась, а продолжала дышать, будто отрастила жабры. Она увидела, как большой кракен, забравшись в расщелину на дне, сыто шевелит щупальцами. Мимо проплыл косяк серебристых рыб. Ее пока что влекло сильным течением, и глубина была недостаточно большой, чтобы в корпус начала просачиваться вода. Можно не волноваться. Можно просто плыть и ждать, когда водокруту наскучит игра...~~

~~~~~

– Эсме открыла глаза и поняла, что сидит на своей койке, а рядом стоит Эрдан и задумчиво смотрит в иллюминатор, за которым виднеется мутная зеленоватая ~мгла~. Стены каюты светились зеленым, и в отблесках призрачного света лицо мастера-корабеля казалось лицом покойника.

– Где мы? – опять спросила Эсме. ~~

– Под водой, – повторил Эрдан, не глядя на нее. Его голос звучал очень спокойно. – Считается, что от водокрута невозможно спастись, но «Невеста ветра» пережила их с десяток, а может, и больше, – я уже стал забывать, что происходило с нами в первые годы. Одна из особенностей «Невесты» заключается в умении *нырять*. Насколько мне известно, другие рыбокорабли на такое не способны. Когда мы расстанемся, от этого знания вам нужно будет избавиться в первую очередь, иначе...

Он не договорил. Целительница посмотрела на свои руки и ощутила ~плавники~ «Невесты ветра». Они шевелились, ловя течение. Большие разноцветные глаза фрегата пристально вглядывались в мутную тьму. Она чувствовала себя под водой так же спокойно, как и на поверхности.

– Невероятно, – сказала Эсме. – Это просто невероятно.

Эрдан пожал плечами:

– Честно говоря, я достаточно долго над этим размышлял и пришел к выводу, что дело не столько в свойствах фрегата, сколько в тех качествах, которые проявляются благодаря его связи с навигатором. Если они доверяют друг другу и могут вместе перебороть страх, взять верх над инстинктами, которые твердят, что на свете есть невозможные вещи... – Он много-

значительно замолчал. – Впрочем, для появления настолько безоглядного доверия нужны особые обстоятельства. О них позвольте умолчать – если я проболтаюсь, то еще до того момента, как вы все забудете, Кристоаль убьет меня двадцать раз.

Она вяло улыбнулась и зевнула. Сине-зеленая мгла умиротворяла, от бывшего страха не осталось и следа, зато в тепле каюты оттаивали заledenевшие ноги, веки слипались. Ей хотелось о многом расспросить мастера-корабеля, но не хватало сил даже открыть рот. Она опустила голову на подушку и закрыла глаза.

Ей приснился сон~, в котором было много вкусной рыбы~~~

~~~а еще там был глаз.

Не человеческий глаз, не то подобие глаза, которым на нее смотрела «Невеста ветра», – и вообще само слово «глаз» казалось слишком простым и приземленным для сущности, что случайно или умышленно открылась ей. Круг спокойствия в самом центре бури; пятно чистой воды посреди серебристой рыбьей стаи; дыра в ткани сердце-сути. Пустота. Эсме почувствовала взгляд этой пустоты – взгляд, растворивший океан мыслеобразов, как вода растворяет соль, – и ее охватило удивительное спокойствие.

Бездействие. Безмыслие. Беспредельность.

Чья-то рука коснулась ее лица – и пришла тьма.

Проснувшись, она все забыла, хотя [сундук] так и остался закрытым.

– Шевелитесь, медузы дети!

Фрегат, окруженный густым туманом, чем-то напоминал растрепанную девушку, которая ранним утром вышла на балкон, завернувшись в одеяло. Эсме лишь теперь начала понимать, зачем нужны все эти веревки, блоки и прочая замысловатая упряжь: живой корабль, предоставленный самому себе, выглядел слишком своенравно. Не хотелось верить, что «Невеста ветра» и впрямь может рвануть куда глаза глядят, отказавшись повиноваться навигатору. Но хлопанье парусов, дрожание реев и раздраженные волны, то и дело пробегавшие по ее шкуре, маскирующей под доски палубы и обшивку, подсказывали – может. Очень даже может.

Стоит ей только захотеть.

Впрочем, пока что это желание плавало где-то в темных глубинах, вяло шевеля плавниками. «Невеста ветра» с величественной небрежностью позволяла матросам приводить себя в порядок, одевать, умывать и причесывать. За работой подчиненных, лениво их поругивая, наблюдал Умберто. Мастер-корабель что-то важное делал в трюме – что, Эсме не объяснили, – а Крейна с утра еще никто не видел.

Целительница прислушивалась к чужим разговорам, лишь раз отметив про себя, что раньше мыслеобразы говорили ей больше, чем слова. Это было странно, однако она стремительно привыкала к новым правилам игры. Итак, слова: их занесло далеко от того места, где начался шторм; матросы пытались угадать, куда именно, однако делали это скорее ради забавы. Еще до того, как она вышла на палубу, в тумане промелькнули темные очертания какого-то острова, и крылан отправился на разведку. Он не боялся заблудиться, поскольку «Невеста ветра» наделяла каждого члена команды особым чувством направления, позволявшим всегда отыскивать дорогу домой.

– Поберегись!

Джа-Джинни мог приземляться легко и изящно, однако ему, похоже, доставляло удовольствие обрушиваться на палубу камнем, угрожая сбить с ног или даже скинуть за борт какого-нибудь бедолагу. Эсме уже успела заметить, что долгие часы в воздухе не утомляли крылана – наоборот, они будто прибавляли ему сил.

Он еще не успел выпрямиться и сложить крылья, как появился Крейн в наброшенной на плечи длиннополой куртке. Увидев капитана, Джа-Джинни расплылся в улыбке:

– Кристобаль! У меня для тебя новость!

– Если новость заключается в том, что течение, кракен бы его побрал, вынесло нас к острову Алетейя, то никакая это не новость, – раздраженно пробурчал магус и зевнул. – Я давно здесь не был и не сразу понял, где мы находимся. Вот угораздило! Отсюда до Ламара мерр знает сколько...

– На берегу меня ждали, – перебил крылан. – Твоя знакомая... как же ее... Водяная ведьма? Смотрящая-в-воду? Бегущая-по...

– Говорящая-с-волнами, – сказал Крейн. Что-то в его голосе вынудило Джа-Джинни перестать дурачиться и примирительно вскинуть руки. – Что с ней случилось?

– Да ничего не случилось. Просто она хочет встретиться и послала рыбаков, чтобы они тебя поторопили.

– И все?

Крылан пожал плечами:

– А что ты хотел услышать? Со мной-то волны не говорят.

За бортом «Невесты ветра» что-то зашумело, забурлила вода. Эсме глянула туда и увидела маленькую верткую лодку, танцующую на волнах.

– Не желаете ли прокатиться? – прозвучало над ухом. Крейн стоял, ухватившись рукой за трос, другим концом привязанный к мачте. – Этот остров – одно из самых красивых мест, где мне только довелось побывать, а бывал я почти всюду.

– Я даже не знаю... – начала Эсме, как вдруг магус обхватил ее свободной рукой за талию, и в мгновение ока они оказались в лодке. Целительница зажмурилась, а когда она осмелилась открыть глаза, «Невеста ветра» стала тенью в тумане и где-то далеко угасали отзвуки смеха. Магус сидел на корме маленького суденышка и ухмылялся. Эсме вцепилась обеими руками в борта и мысленно пожелала ему провалиться на самое дно океана.

Впрочем, вскоре она перестала бояться, и причиной тому была лодка.

Это существо в большей степени напоминало рыбу, чем корабль, пусть и маленький: под теплой темно-коричневой шкурой с едва заметными черными пятнами без труда прощупывались кости – или что там заменяло фрегатку скелет? Целительское чутье Эсме подтверждало то, что подсказывали ей обычные человеческие чувства: оно живое, живое, живое... и доброе. Ни малейшего намека на подозрительность и сдержанную силу «Невесты ветра». Искрящаяся золотом сеть – равномерная, без плотных узлов. Тепло, свет, спокойствие.

– Ни мачты, ни парусов, – тихонько проговорила Эсме. – Как же мы движемся?

Магус пожал плечами и ответил с несколько наигранным равнодушием:

– Большинство морских тварей довольствуются плавниками.

Плавники у лодки присутствовали, и она ими усердно работала, однако Эсме сомневалась, что весь секрет в этом. Слишком уж быстро создание шло – почти летело – по направлению к острову, который вызывал у капитана Крейна довольно-таки сильное беспокойство.

Что-то происходит, подумала Эсме. Что-то вот-вот произойдет.

– Она еще неразумна, – вдруг сказал Крейн, явно желая отвлечься от неприятных мыслей, и похлопал ладонью по шкуре лодки. – И ни к кому не привязана. Они сами приходят к ~Невесте~, на время делают ее частями, потом уходят. Иногда я вспоминаю, что никто из людей и магусов не знает, как фрегаты появляются на свет и почему становятся кархадонами в конце своей жизни... первой жизни? Может, кархадоны превращаются в кого-нибудь еще, если не погибают раньше назначенного срока? Легенды противоречат друг другу, чуть ли не на каждом острове рассказывают что-то свое. На свете нет большей загадки, чем эти создания.

– А как же мерры и Меррская мать? – спросила Эсме.

– Мерры... – повторил магус и покачал головой. – Я их видел. Они другие. Они как соль и ветер, как медузы и кракены – они принадлежат Океану. А вот фрегаты, хоть и живут в нем, все-таки умудряются многое от него прятать. Уж я-то знаю.

– Выходит, кое-что они прячут и от навигаторов?

Крейн кивнул:

– Да, верно. Я знаю, как устроена ~Невеста ветра~, я чувствую ее эмоции, но не могу разговаривать с ней так, как разговариваю сейчас с вами. Иногда мы ссоримся, потому что не понимаем друг друга. Почему она именно такая, какая есть, мне неизвестно. Однажды я пытался... – Он осекся и махнул рукой. – Нет, не будем об этом. Некоторые истории лучше не вспоминать. В общем, я столь же невежественен во всем, что касается рождения и смерти фрегатов, как и любой сухопутный шебаршила.

– Жаль, – сказала Эсме. – У меня было много вопросов.

– Например? – Крейн многозначительно вскинул бровь.

– Например, я хотела бы знать, все ли фрегаты воспринимаются как... э-э... существа женского пола.

Магус негромко рассмеялся:

– Те живые корабли, с которыми я имел дело, были, вне всяких сомнений, дамами. Но мне известно от людей, заслуживающих доверия, что фрегат, у которого навигатор – женщина, ощущается иначе. Для стороннего наблюдателя отличия незаметны, однако мореходы воспринимают их интуитивно, благодаря своему особому чутью... но, повторяюсь, сам я никогда не встречал ни навигаторов-женщин, ни их фрегатов.

– Получается, пол фрегата зависит от пола навигатора?

– Понятия не имею, – признался Крейн – искренне, как показалось целительнице. – Чтобы ответить на этот вопрос, следовало бы для начала узнать, какого пола, к примеру, эта лодка. Но такие вещи интересуют только воронов.

«Выходит, сам-то он не ворон, – подумала Эсме и почувствовала, что краснеет. До сих пор она не пыталась всерьез разобраться, к какому из небесных семейств принадлежит этот скрытный моряк, и даже не осознавала, что ей это интересно. – Тогда кто? Не чайка, не скопа, не жаворонок и уж точно не соловей... Ласточка? Орел? Нет-нет, только не орел. Кто же вы, капитан Крейн?»

– Как долго живут фрегаты?

– По-разному, – сказал Крейн. – Я слышал о таких, что прожили больше четырех-пяти веков, меняя навигаторов-людей одного за другим. Но большинство навсегда уходят в море лет через сто, а то и раньше, – после смерти второго или третьего навигатора-человека. Некоторые погибают, разорванные на части кракенами, или бесследно исчезают вместе со всей командой.

– Если навигатор умирает, фрегат выбирает нового?

– Да. Обычно им становится кто-нибудь из команды. Ну а если кандидат в навигаторы вдруг объявится еще при жизни старого... такое иногда случается... это предвещает большие неприятности для всех.

Его лицо как-то вдруг посуровело, и Эсме, вздрогнув, отвернулась. Она вспомнила, что находится рядом с пиратом. Хорошее настроение исчезло без следа, а в голове вновь завертелись неприятные мысли.

Проснувшись боль в затылке.

[Спроси его, как поступают с бунтарями. Спроси, как морские разбойники избавляются от пленников – слишком бедных, слишком опасных, никому не нужных. Спроси! Он ведь еще о многом тебе не рассказывал...]

Остаток пути они проделали в молчании.

Когда лодка остановилась на мелководье, магус выскочил за борт, без труда поднял целительницу на руки, словно куклу, и перенес на горячий песок.

Берег вокруг них оказался совершенно пустым.

– Что-то я не вижу рыбаков, о которых говорил Джа-Джинни, – ворчливо заметил Крейн, оглядевшись по сторонам. – Придется прогуляться до деревни самому. Если хотите, подождите меня здесь – остров совершенно безопасен.

– Нет, я с вами, – быстро сказала Эсме. От мысли, что магус ее тут бросит, целительница покрылась холодным потом. – Расскажите, что это за место? И кто такая Говорящая с... морем?

– С~волнами, – поправил Крейн. – Если точнее, с водой. Что ж, полагаю, вас это и впрямь может заинтересовать.

Высоко над их головами ветви сплетались в плотную крышу, и поэтому вокруг царил зеленоватый полумрак. Босые ноги Эсме ступали по ковру из трав, восхитительно прохладному после горячего песка. Толстые змеевидные лианы, опутавшие ствол ближайшего дерева, усеивали бледно-сиреневые цветы, которые вдруг зашевелились и взмыли в воздух, обернувшись роем мотыльков. Лес был тих и спокоен, однако внутри у Эсме все кипело и бурлило, потому что она никак не могла поверить в то, что рассказал ей Крейн.

– Водогляды, – терпеливо повторил магус не то в четвертый раз, не то в пятый. – Легенды твердят, они всем заправляли еще задолго до пришествия Основателей. Те, что послабее, просто предсказывали погоду и приманивали рыбу, помогая сородичам добывать пропитание. Но были и другие, наделенные по-настоящему страшной силой: они могли вызывать шторма или успокаивать волнение на море, просто коснувшись воды. И еще много чего могли.

Эсме растерянно покачала головой:

– Почему я об этом совсем ничего не знаю? Почему о них даже в сказках ничего нет?

– Есть, – с печальной улыбкой возразил Крейн. – В сказках, которые мне доводилось слышать на Окраине, водогляды встречаются нередко. Но чем дальше от меррских морей, тем меньше о них знают, тем меньше в них верят. Словно кто-то намеренно стирает их из людской памяти.

– Людской? – повторила целительница. – А магусы...

– Магусы о них помнят лучше, хотя предпочли бы забыть совсем. Мы были непримиримыми врагами во времена Основателей, мы воевали, мой народ победил... и жестоко отомстил непокорным. Те немногие, кому удалось выжить, спрятались. Их потомки прячутся до сих пор – в таких местах, как этот остров, жалкий клочок земли на самом краю обитаемого мира, не нужный ни людям, ни магусам, ни меррам. И живут они здесь, как...

Что-то прошуршало в листве, и из чащи на Эсме уставились две пары оранжевых глаз с вертикальными зрачками. Она подпрыгнула от страха, а магус рассмеялся и тихонько свистнул. Из зарослей ему ответили таким же свистом.

– Не надо бояться. – Крейн улыбался. – Настоящая опасность не сверкает глазищами из тьмы, она подкрадывается незаметно и хватает за... пятку. А это всего лишь ларимы. Жаль, они не вышли на свет – очень милые пушистые создания.

После его слов Эсме и сама почувствовала, что глазастые наблюдатели настроены дружелюбно и их снедает любопытство – не так уж часто в этих краях появляются чужаки. Магус и целительница двинулись дальше. Когда шарф Эсме зацепился за низкую ветку, Крейн аккуратно высвободил тонкую ткань и вдруг поинтересовался:

– Давно хотел спросить – откуда у вас эта вещица?

Эсме почему-то стало не по себе.

– Он достался мне в наследство.

– Правда? – удивился Крейн. – Вероятно, от матери.

– Да! – ответила девушка немного раздраженно, хотя на самом деле понятия не имела, прав ли он. – А почему вы спрашиваете?

– Просто так... – Магус пожал плечами. – Он точь-в-точь такого же цвета, как паруса ~Невесты~. Забавное совпадение, не находите? – Да, подобное трудно было не заметить. Эсме

вдруг показалось, что Крейн чего-то ждет. После недолгой паузы он продолжил все тем же небрежным тоном: – Если я не ошибаюсь, это нисский шелк, очень редкий и безумно дорогой. Секрет его изготовления давно утрачен. Не удивлюсь, если вашему шарфу больше трехсот лет... – Он вздохнул и, выдержав недолгую паузу, возобновил рассказ, прерванный из-за ларимов: – Так вот, о чем это я? О том, как тут живут. Здешные обитатели ловят рыбу и бездельничают – а чем еще заниматься в Эльгиных садах? Теперь их осталось совсем мало – слишком долго не было притока свежей крови, здоровых детей рождалось с каждым годом все меньше и меньше. На острове три рыбацкие деревни – было три, по крайней мере, – ими управляют избранные на общем собрании старосты, но наибольшей властью обладает Говорящая-с-волнами. Вот к ней-то мы и направляемся. – Он чуть помедлил. – И скоро будем на месте.

Туннель в зарослях сделался шире, и они вышли на небольшую поляну, окруженную необыкновенно высокими и толстыми деревьями – самое тонкое из них едва ли смогли бы обхватить двое длинноруких гроганов. Эсме запрокинула голову: где-то далеко виднелся клочок ослепительно синего неба с вольно парящими чайками.

И впрямь похоже на рай.

– Да, здесь очень...

Что-то пребольно укололо ее чуть выше правой пятки. Привыкшая ходить босиком, целительница нередко резала ноги осколками раковин, но в этот раз ощущение было совсем другим: острая боль почти сразу сменилась холодом, словно к ране приложили кусок льда.

Взглянув вниз, она увидела пеструю тонкую ленту, скрывающуюся в траве.

Стало темно.

[Ей холодно, ей так холодно. Непослушные руки и ноги превратились в ледышки, лицо онемело, горло свело судорогой, и даже дышать удается с трудом. В открытое окно льется солнечный свет, и вроде бы снаружи совсем не зима. Что же с ней такое? И где она? Ведь это не ее комната...

С шумом распахивается дверь, вбегает какой-то человек. Она его не знает. Лет сорока на вид, с копной густых волос, наполовину седых. Лицо очень усталое, под глазами круги. В глазах – страх. Неужели он так испуган из-за нее?

– Эсме, что ты натворила?!

«Эсме». Она с трудом находит в себе силы улыбнуться. Имя кажется приятным, словно теплое одеяло, в которое можно завернуться, если тебе холодно. И тогда в твое тело постепенно вернется жизнь, ты снова станешь собой.

Или не станешь – ведь ты сделала что-то нехорошее, что-то страшное, и как раньше уже не будет.

У незнакомца блестят глаза.

– Кто вы такой? – Язык еле-еле ворочается во рту, каждое слово надо выталкивать, выплевывать. – Где я?

– Меня зовут Велин, – говорит он. – Ты... дома.]

Большой рыжий муравей взобрался на высокий стебелек и, очутившись на верхушке, сверзился вниз. Ощупал усиками ствол и опять принялся штурмовать вершину. Лежать в высокой траве было приятно. Где-то в вышине слышалось мелодичное щебетание. Эсме оно показалось восхитительным: в мире, кроме портовых чаек, есть и другие птицы, в мире есть птицы, которые умеют петь! Она вдруг поняла, что ей отчаянно хочется объездить все Десять тысяч островов и, останавливаясь на каждом хотя бы на день, слушать птичье пение. Это будет нетрудно – при условии, что сегодня она не умрет.

– Не дергайся.

Крейн сплюнул кровь и снова припал ртом к ее щиколотке. Пальцы магуса сжимали ее ногу так крепко, что, казалось, вот-вот проткнут плоть и достанут до кости – не пальцы, а железные клещи. Вверх от раны растекалась боль – но вялая, совсем не страшная.

– Рану полагается прижечь... – пробормотала Эсме. – Надо быстрее в поселок...

– Я не люблю оставлять на потом то, что можно сделать сразу, – отозвался Крейн с хмурым видом. – Шторм иной раз подбрасывает нам сюрпризы в самый неожиданный момент.

Она с трудом нашла в себе силы кивнуть. «И что же вы будете делать, капитан?..»

Магус на мгновение замер, потом произнес с иронией:

– Никогда бы не подумал, что целители не могут лечить самих себя.

Девушка покачала головой:

– Вы, магусы, направляете силу на то, чтобы совершенствовать собственные тела. Мы же совершенствуем... исправляем... улучшаем чужие. Излечить свое тело для целителя так же просто, как заглянуть внутрь собственного черепа или укусить себя за локоть.

– Некоторые так могут. – Крейн сбросил куртку. – Я о локте.

Ему понадобилась секунда, чтобы снять рубашку, и еще одна – чтобы оторвать от нее длинный лоскут. Эсме даже не заметила, как мелькнули его руки. Смысл происходящего оставался для нее в тайне, но потом железные пальцы магуса вновь стиснули ее щиколотку, и Крейн сказал:

– Будет больно.

Пальцы его свободной правой руки изогнулись, между ними мелькнула искра. Миг – и она разрослась, превратилась в сияющий огонек размером чуть больше вишневой косточки. Эсме зажмурилась и стиснула зубы.

Вот и ответ на один из ее вопросов...

Когда все закончилось, она пробормотала:

– Почему «Крейн»? – От пульсирующей боли перехватывало дыхание. – Кристоаль Фейра... звучит красивее.

– Семейства Фейра нет на свете уже сорок лет, – ровным голосом произнес пират. – Не надо тревожить мертвых.

– Не надо, – согласилась Эсме и осторожно приоткрыла глаза.

Магус на нее не смотрел, его лицо было мрачным и... чужим. Сейчас никто бы не усомнился, что капитан «Невесты ветра» из детей неба, а не земли. Целительница ощутила, как подступает волна паники, – такие секреты не доверяют тем, кому суждено долго жить, – но Крейн-Фейра, вновь сделавшись похожим на себя прежнего, умело перевязал ей ногу лоскутом от своей рубашки, а потом встал и подобрал с земли куртку. Хотя оделся магус быстро, Эсме все-таки успела разглядеть на его спине татуировку: две танцующие птицы, два феникса с черно-красным оперением.

События приняли странный оборот...

– Нам пора. – Он поднял Эсме на руки. – Говорящая-с-волнами не любит ждать.

Там, куда вскоре принес ее магус, росли все те же высокие деревья и лепились друг к другу небольшие хижины с тростниковыми крышами. У ствола громадного дерева, чья крона простиралась, кажется, до самого горизонта, располагалась хижина, выглядевшая внушительнее остальных, – наверное, в ней и жила Говорящая-с-волнами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.